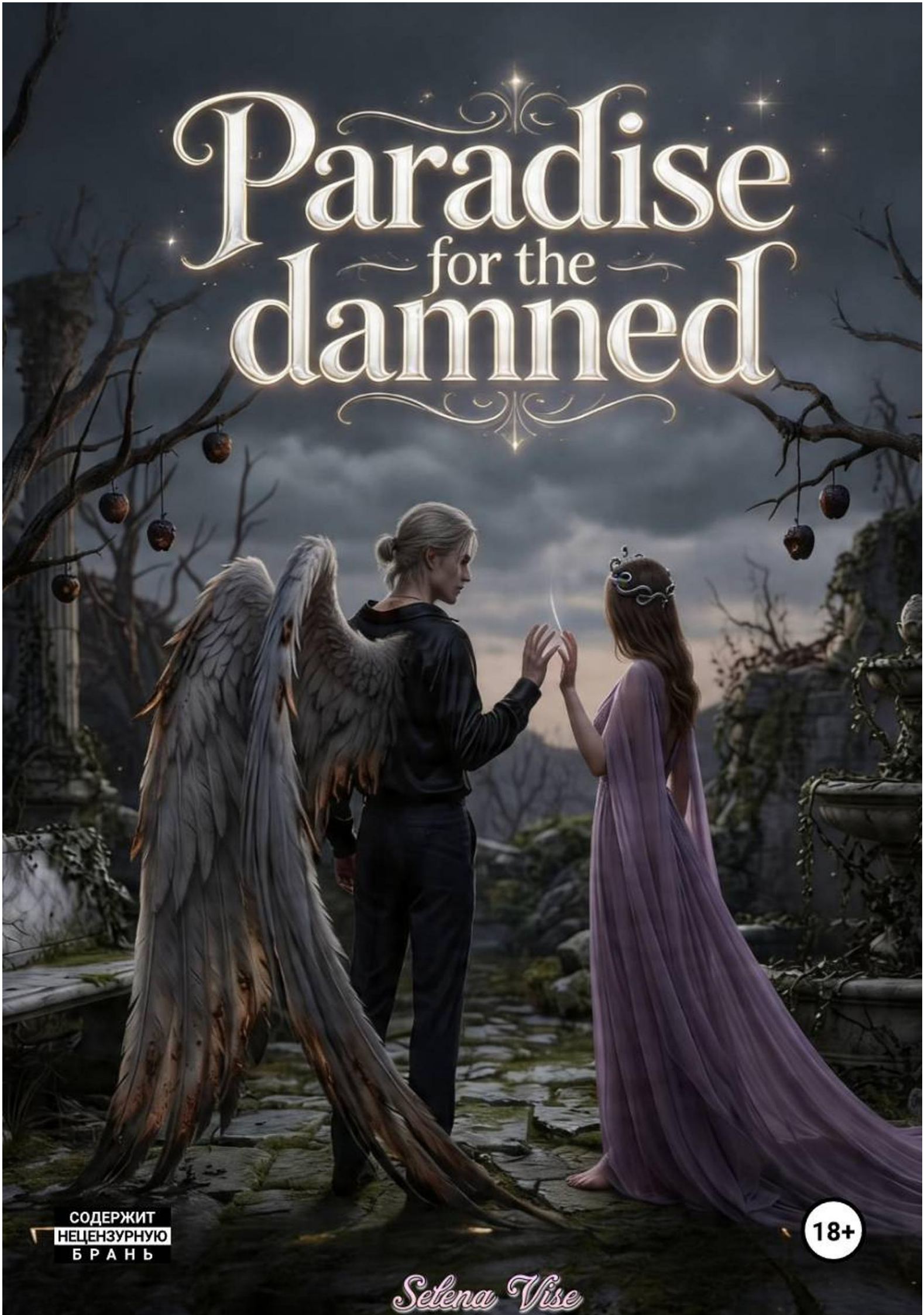
Paradise
for the
damned
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Selena Vise

Selena Vise

Paradise for the damned

«Автор»
2026

Vise S.

Paradise for the damned / S. Vise — «Автор», 2026

Говорят, у слов есть сила. Но Эвелен не знала, что её слова могут открыть дверь.Эвелин пишет книгу о таинственном бале, где танцуют призраки в масках, а крылья за спиной незнакомца переливаются лунным светом. Но когда её рукопись начинает влиять на реальность, а персонажи обретают плоть, она понимает — прошлое не просто возвращается. Оно приходит за ней.Каждая написанная страница открывает портал в мир, где её кошмары оживают. Таинственный незнакомец из её романа появляется в её квартире, а события, описанные на бумаге, начинают происходить наяву. Кто он — плод её воображения или хранитель забытых тайн? И почему его появление совпадает с пробуждением древних сил, угрожающих поглотить её реальность?

© Vise S., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 61

Selena Vise
Paradise for the damned

Литрес
Рай для проклятых
Книга первая

Все права защищены
©Selena Vise

2026 год

Внимание!

Книга содержит сцены насилия, психологического давления, упоминания пыток, а также темы, связанные с наркотическими веществами и жестокостью. Автор не оправдывает и не пропагандирует данные явления. Они используются как элементы сюжета для раскрытия персонажей и их мотивации.

Также в тексте присутствуют аллюзии на религиозные и мифологические сюжеты, которые являются художественной интерпретацией и не претендуют на достоверность или оскорбление чьих-либо чувств.

Благодарности

Когда я перечитываю эту книгу, я вижу не только свои строки — я вижу лица тех, кто стоял за моей спиной, пока я писала. Тех, кто верил, когда я не верила. Тех, кто ждал, когда я сомневалась. Тех, кто держал свет, когда вокруг сгущалась тьма.

Эта книга родилась не в одиночестве. Она родилась в пространстве любви, поддержки и той самой магии, которую невозможно создать в одиночку.

Моему мужу

Ты был первым, кто прочитал эти строки. Ты был тем, кто сидел со мной до рассвета, когда слова не шли, и молчал, когда я плакала над страницами. Ты держал мою руку в моменты сомнений и шептал: «Ты сможешь», — даже когда я сама не верила в это.

Спасибо тебе за терпение, которого у меня иногда не хватает даже для себя. За то, что ты укрывал меня пледом, когда я засыпала над клавиатурой. За то, что приносил чай и не спрашивал, когда я закончу. За то, что верил в мою историю так же сильно, как я сама — а иногда и сильнее.

Ты не просто мой читатель. Ты — мой соавтор в жизни. Ты — тот, кто вдохновляет меня идти дальше, даже когда кажется, что путь закончился. Эта книга — наша. Потому что всё, что я пишу, я пишу в пространстве нашей любви.

Спасибо, что ты есть. Спасибо, что ты мой дом.

Моей маме

Ты — мой первый учитель, моя первая муза, моя первая читательница. Когда я была маленькой и не умела ещё складывать буквы в слова, ты читала мне сказки перед сном — и я засыпала, уносясь в миры, которые позже научилась создавать сама.

Ты научила меня, что слова имеют силу. Что истории могут лечить. Что в каждой книге живёт частичка души того, кто её написал. Твоя любовь к книгам стала моим фундаментом. Твоя вера в мои способности стала моим крылом.

Ты была со мной в каждом шаге этого пути — даже когда нас разделяли километры. Твой голос в телефонной трубке, твои сообщения с вопросами «Как там моя писательница?», твоя гордость, которую я чувствовала даже сквозь расстояние, — всё это помогало мне не сдаваться.

Спасибо тебе за бесконечную нежность, за мудрость, за то, что ты всегда знаешь, что сказать, даже когда я сама не знаю, как собрать себя. Эта книга — о силе. А ты — моя самая большая сила.

Моему другу — бесу

Ты — тот, кто открыл для меня двери в мир, которого я не знала. Ты показал мне историю, которую никто до меня не рассказывал, и доверил её моим рукам, моему сердцу, моему перу.

Спасибо тебе за твой дар — видеть то, что скрыто за ширмой обыденности. За твою способность находить истину в самых запутанных лабиринтах, за твою веру в то, что я смогу передать это словами. Ты — тот самый искра, от которой разгорается пламя.

В тебе есть нечто большее, чем просто дружба. Твоя натура соткана из противоречий: ты можешь быть разрушителем старых устоев и созидателем новых смыслов одновременно. Ты играешь с реальностью, как художник с красками, и находишь свет там, где другие видят только тьму.Твоя поддержка, пусть иногда и завёрнутая в обёртку здорового сарказма, была для меня спасательным кругом. Ты помогал мне видеть мир иначе — не как он есть, а как он может быть. Ты учил меня смотреть глубже, чувствовать острее, искать ответы там, где я привыкла видеть только вопросы.

Спасибо тебе за то, что ты есть в моей жизни. За нашу дружбу, которая оказалась крепче стали и выдержала испытание временем, расстоянием и даже самой странной реальностью, в которой мы оба существуем. Без твоих историй, без твоих вопросов, без твоего взгляда на этот мир — эта книга никогда не увидела бы свет.

Ты — мой Бес. И я бесконечно благодарна судьбе за то, что мы встретились.

Данилу, другу, солнышку.

Есть люди, чьё имя не стоит на обложке, но без которых этой книги просто не существовало бы. Ты — один из них.

Ты тот, кто стоял за кулисами. Кто держал канву, когда она грозила рассыпаться. Кто помогал мне смотреть на сюжет с высоты, которую я сама не могла достичь. Ты был моим зеркалом — иногда жёстким, иногда тёплым, но всегда честным.

Мы строили этот мир вместе. Ты указывал на слабые места, когда я хотела закрыть глаза. Ты проверял логику, когда я тонула в эмоциях. Ты задавал те самые вопросы, на которые я боялась отвечать, — и тем самым делал историю глубже и настоящей.

Ты был со мной в каждой главе, хотя никто об этом не знает. Ты был тем, кто разделил со мной это путешествие — не как соавтор на бумаге, а как соавтор в душе.

Спасибо тебе за твою преданность этой истории. За твоё время. За твои идеи, которые я вплетала в ткань романа так аккуратно, что они стали его неотъемлемой частью. За то, что ты позволял мне ошибаться, чтобы я могла найти правильный путь. За то, что ты никогда не оставлял меня одну с этой книгой.

Твой вклад останется в каждой странице — даже если твоего имени нет на титуле. Ты в этих буквах. В этих сюжетных поворотах. В этом финале.

Спасибо тебе. За твой свет, который я всегда чувствовала, даже когда не видела его.

Всем, кто ждал

И, наконец, ***спасибо тебе , мой читатель.***

Ты — тот, ради кого были написаны эти строки. Ты — тот, кто взял эту книгу в руки и решил довериться моей истории. Ты — тот, кто дал ей жизнь за пределами моей фантазии.

Я писала эту книгу долго. Иногда мне казалось, что я никогда не закончу. Иногда я хотела её бросить. Но что-то всегда возвращало меня к этим страницам — и я знаю, что это что-то было тобой. Спасибо, что ты есть. Спасибо, что ты читаешь. Спасибо, что ты позволяешь историям жить.

С любовью,
Селена.

Пролог
13 февраля 2018 год .
Санкт - Петербург .

Февральская ночь тяжело нависла над крышами домов, студёная и гнетущая, словно саван. Нева почти замёрзла — лишь у мостов чернели полыньи, напоминая, что под ледяной коркой всё ещё течёт неукротимая вода. Но пронизывающий озноб шёл не извне — он гнездился где-то глубоко внутри, будто лёд, сковавший душу.

Я лежала в кровати и не могла уснуть. Вспомнила, как в школе мы читали «Невский проспект» — там говорилось: «всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется». Тогда я не понимала. А теперь, когда в каждой тени за окном мне чудится чей-то призрак, — начинаю. Питер — это город, который не прощает тех, кто пытается сбежать. И я, кажется, была его самой непослушной дочерью.

В Питере всё казалось чужим. Воздух здесь всегда пахнет по-разному: летом — сыростью и рекой, зимой — снегом и железом. А в ту ночь он пах гарью. Откуда-то издалека, с окраин, доносился запах горелого дерева. Я знала, что это просто заводы. Но каждый раз мне казалось, что это горит моя жизнь. Где-то вдалеке завыла сирена. Знакомый звук. В Раменском они выли тоже, но иначе — дальше, тише, будто говорили о чём-то, что меня не касалось. Здесь же каждая напоминала: я не на своём месте. Я чужая. Это чувство ходило за мной по пятам, где бы я ни была. А где моё место — я не знала. В спине, между позвонками, всё ещё саднило после последней пункции. Влад говорил, что это плата. За его защиту, за этот дом, за всё. «Ты ведь хочешь быть полезной, Снежка?» Я хотела. Но такой ценой?

Я всегда жила как будто на вокзале: всё моё имущество помещалось в один чемодан. Я не задумывалась, правильно ли это, — просто так жила. Пока не поняла, что бежать устала. Что однажды придётся остановиться. Но я не знала где. И не знала как.

Иногда я думала о побеге. Не всерьёз — примеряла мысль, как старое платье, которое давно не налезает. Но возвращаться мне было некуда. Там, в прошлом, осталась мама — вечно юная, вечно влюблённая, знающая, как мне лучше жить. Она говорит, что Влад — это мой шанс. «Такой парень, Эля, ты что, не видишь? Он же тебя на руках носит». Синяки она замечала, но, кажется, считала их частью большой любви — как шрамы у героев её любимых романов. А когда я пыталась заговорить, она вдруг делалась занятой или обиженной: «Я тебя вырастила, я тебя не бросала, а ты мне не доверяешь». Ей было проще решить, что я просто сбежала, чем признать, что она сама вела меня к нему. И ещё были мужчины. Бесконечная череда чужих, каждый из которых пытался стать мне отцом. Мама видела в них не случайных людей, а очередных «принцев», очередную надежду на счастье. Влюблялась громко, страстно — и каждый раз заставляла меня верить: вот теперь всё будет по-настоящему. Но её надежды каждый раз сдувало ветром.

В груди разрасталось странное, липкое чувство — будто паника, возникшая из ниоткуда, холодная, как туман над рекой.

«Успокойся, Эля, — уговаривала я себя. — Уже час пятнадцать, пора спать».

Перевернулась на другой бок.

Влад что-то невнятно пробормотал во сне и перекинулся на спину. Лунный свет упал на его лицо — острые скулы, сухие губы, тёмная щетина на подбородке. Чёрные волосы с вечно падающей на глаза драной чёлкой разметались по подушке. Сейчас он казался почти тем мальчишкой, которого я встретила три года назад.

— Чего? — спросила я едва слышно, боясь, что он не спит, и я его разбудила.

— Ложись уже спать, — буркнул он, не открывая глаз. — Каждую ночь одно и то же. Ощущение, будто сплю с боксёром: то бежишь куда-то, то кричишь.

— Прости, — сказала я и натянула одеяло до самого подбородка, прячась от холода и собственных мыслей.

Сон всё не шёл. Я считала трещины на старой лепнине — извилистые линии, похожие на карту забытых дорог. А потом провалилась в забытьё — будто сорвалась в бездну, где не было ни времени, ни страха.

Грохот. Быстрые шаги. Выстрелы.

Я вскочила раньше, чем поняла, что происходит. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Сдиратель — коренастый, с бычьей шеей, в растянутой майке. Шрам от виска до рта перекашивал лицо, делая его похожим на оскал. Он был белым, перекошенным от ужаса; задыхался на ходу, словно за ним гнались сами тени.

— Влад! Там… они прорвались! Через чёрный ход! Человек двадцать, не меньше!

Влад сорвался с кровати быстрее, чем я успела открыть рот. Босиком, в одних домашних штанах, он уже тянулся к пистолету, который всегда лежал на прикроватной тумбочке, — холодному, надёжному, как обещание беды.

— Кто? — рявкнул он.

— Rose Gold, — выдохнул Сдиратель, и в его глазах плескался животный ужас. — Они Гвоздя уже… Короче, у нас минута, не больше.

Снизу, с первого этажа особняка, доносился топот чужих шагов — много, слишком много, будто сама земля дрожала под натиском врагов.

Я понимала, что это значит. Rose Gold — конкуренты Влада. Для обычных людей это огромная сеть ювелирных салонов: глянцевые витрины, белые перчатки, безупречная репутация. Но за фасадом роскоши скрывалась наркоторговля. Их товар был не чище того, что производил Влад, — но менее прибыльный. И теперь они пришли за нами, как хищники, почуявшие кровь.

Я схватила со спинки стула его чёрную толстовку, даже не глядя. Мягкую, дорогую — он всегда покупал вещи из хорошего трикотажа, даже домашние. Она пахла им — табаком и чем-то пряным. Я натянула её прямо поверх пижамных шорт и застегнула лишь одну пуговицу. Влад выкрикивал приказы, но их заглушал гул в ушах и бешеный стук сердца — оно, казалось, билось где-то в горле, перекрывая дыхание.

Влад схватил меня за плечо и развернул к себе. Лицо у него было белым, но руки не дрожали. Он сунул мне в ладонь что-то холодное и тяжёлое.

— Держи. Это ПМ[1]. Предохранитель здесь, помнишь? Если я упаду — стреляй. И не вздумай геройствовать. Беги, даже если без меня.

— Уводи её! — донеслось сквозь ватную пелену.

Меня резко дёрнули за руку. Сдиратель тащил меня вниз по чёрной лестнице, и я едва успевала перебирать босыми ногами, чувствуя, как холодный воздух обжигает кожу. Его пальцы, сжимавшие моё запястье, были влажными. От крови. Не его крови.

В нос ударил едкий, удушливый запах дыма — горький и металлический, будто вкус катастрофы. Где-то внизу уже разгоралось пламя, пожирая дерево и память.

— Ты чувствуешь?! — крикнула я.

[1] Пистолет Макарова

Сдиратель на мгновение обернулся. Под глазом у него нервно дёргалась жилка.

— Керосин, мать их… Они облили всё. Не беги, иди за мной. Там чёрный выход.

Рядом грохнуло — кажется, со стороны фасада. Штукатурка посыпалась с потолка, белая пыль оседала на плечах, словно пепел над умирающим миром. Сдиратель толкнул меня в спину:

— Живей, Эля! Не тормози!

— Нет! — я вырвала руку. — Там Влад! Я его не брошу!

Я вдруг осознала: если я уйду сейчас, всё, ради чего я жила, сгорит вместе с этим домом — с нашими разговорами у камина, с его улыбкой, с теплом, которое я так долго искала. Я рванулась обратно — по коридору, мимо лестницы, туда, где гремели выстрелы и воздух дрожал от свинца и отчаяния.

Пули свистели над головой, словно шёпот смерти. Огонь уже лизал обои, сворачивая их чёрными свитками, будто сжигая страницы нашей жизни. Выбило стекло — я пригнулась, закрывая лицо руками. Осколок царапнул щёку, и что-то тёплое потекло к подбородку — тонкая струйка, напоминающая о том, что я ещё жива. Я почти ползла; саднило ладони — только потом я поняла, что в кожу впились осколки оконного стекла, острые, как воспоминания.

«Крошечный ужас» — так я назвала это потом.

Когда бежишь по дому, который ещё вчера был твоим убежищем, и перешагиваешь через мёртвые тела. В кино это выглядит захватывающе.

В жизни нет ничего страшнее: запах гари и крови, звук падающего тела — неестественный, бесчеловечный, будто мир сломался в этом моменте.

Я спустилась вниз, перепрыгивая через три ступеньки, поскользнулась на чём-то липком, чудом удержалась за перила — и увидела.

Пистолет. Голову Влада. И кровь — много крови — на стене, чёрную в дрожащем свете пламени.

Время остановилось, а звуки отдалились, будто кто-то выключил звук в этом безумном фильме.

Выстрел ещё звенел в воздухе, а я уже видела, как его тело медленно сползает по стене на пол. Над ним, спиной ко мне, стоял человек в чёрной маске — армейский захват, дымящийся ствол. Он меня не заметил.

Я поняла: это мой шанс. Вытащила пистолет из заднего кармана, почувствовала его тяжесть — холодную, окончательную. Металл обжёг пальцы, будто предупреждая.

У стены лежал один из людей Влада — кажется, Гвоздь. Он успел выстрелить, прежде чем его добили, и теперь лежал, вытянув руку с пистолетом; на полу, у ног убийцы, расплывалось кровавое пятно.

И я на мгновение провалилась в прошлое.

Тир. В воздухе пахнет порохом и старым деревом — терпким и горьким. Лампы дрожат, свет тусклый, дрожащий, как моё дыхание. Он стоит позади; его руки — уверенные, спокойные — поправляют мои.

— Вот так, Снежка. Плавно. Не дёргай. Не целься в голову, целься в грудь — больше площадь, меньше шанс промазать. Ну, давай, Эль.

Пятнадцатилетняя я нажала на спуск. И мне понравилось — странный восторг, смешанный со страхом, будто я впервые почувствовала вкус силы.

Воспоминание рассеялось.

Я снова стояла в горящем доме — босая, в пижаме, с пистолетом в руках. Впереди — человек в маске.

Тот, кто убил Влада.

Убийца хромал. Зажимал рану на бедре левой рукой, а правой всё ещё сжимал дымящийся ствол. Он тяжело дышал и не сразу заметил меня, стоящую в дверях. А когда заметил — было поздно.

Я нажала на спуск.

Попала ли в сердце? Не знаю. Мне было всё равно. Здоровяк покачнулся, захрипел — из горла хлынула кровь. Он рухнул лицом вниз и больше не двигался.

Пистолет выпал из моих пальцев. Я бросилась к Владу, упала на колени в лужу его крови — ещё горячей, пахнущей железом и чем-то родным.

— Нет, нет, Влад! Влад, проснись! Этого не может быть! Не может!

Мои руки пропитались красным. Слёзы заливали лицо, смешиваясь с кровью и пылью. Я трясла его, била кулаками в грудь, пыталась разбудить. Но он не просыпался.

Чьи-то руки схватили меня сзади. Я забилась, закричала; ноги скользили по мокрому паркету.

— Нет! Отпусти! Отпусти меня! ВЛАД!!

— Тихо! Тихо, Эля! Это я, Ян! — голос пробился сквозь звон в ушах, как луч света во тьме. — Всё кончено. Его не вернуть. Уходим.

Янчес — старший брат Влада — жил в часе езды от особняка. Видимо, кто-то из охраны успел набрать его раньше, чем началась стрельба.

Он тащил меня, а я вырывалась. Кусалась. Царапалась. Била его по лицу — раз, другой. Ян рычал в ответ, но не отпускал; его хватка была железной, будто он знал: отпустит — я вернусь туда, в огонь, к нему.

— Ты сдохнешь здесь, дура! Сдохнешь! Ты ему уже не поможешь! — голос его дрожал не от злости, а от страха — страха потерять ещё одного человека в этой адской ночи.

Мир рушился вокруг. Я видела это краем глаза, пока он волок меня к выходу. Лестница, где я любила сидеть с книгой зимними вечерами, уже пылала: языки пламени лизали деревянные перила, словно пожирая воспоминания. Зеркало в холле треснуло пополам, и в каждой половинке отражалась чужая, перепачканная кровью девушка — с дикими глазами, с лицом, искажённым болью. Я ещё кричала, но уже не слышала собственного голоса — только его имя, которое повторяла снова и снова, будто заклинание, способное вернуть его к жизни. Пока Ян не выволок меня на улицу.

Морозный февральский воздух ударил в лицо, обжигая лёгкие, вырывая из горящего кошмара в реальность — такую же холодную и беспощадную. Меня затолкнули в машину. Я прижалась ладонью к холодному стеклу; пальцы дрожали, оставляя кровавые разводы на поверхности.

Последним, что я увидела, был горящий особняк. Окна полыхали, как глаза разъярённого зверя, а дым поднимался в чёрное небо, смешиваясь с пеплом и чем-то ещё — неуловимым, что раньше называлось моей жизнью. Моя первая любовь осталась внутри — там, где огонь стирал все следы нашего прошлого.

Кто-то сказал, что любовь живёт три года. Или столько, сколько мы позволяем ей жить?

Тогда почему моя умерла именно сейчас?

Машина тронулась с места и медленно набирала скорость. Она увозила меня прочь — далеко, в пустоту, где не было ни Влада, ни огня, ни прошлого.

Мы все рождаемся с дырой в груди, и всю жизнь пытаемся её заполнить. Кто едой, кто деньгами, кто любовью. Но дыра становится только больше.

— Чарльз Д.А.

Глава 1

12 марта 2025 год .

« Она не знала, где находится. Не знала, как здесь оказалась. Но тело помнило — будто само пространство шептало ему забытые слова, а мышцы хранили память о движениях, давно стёртых из сознания.

На ней было платье — лиловое, тяжёлое, словно сотканное из сумерек и лунного света. Оно облегало талию, стянутую тугим корсетом, и струилось вниз, едва касаясь пола шелестящим шёпотом. Корсет давил — не больно, но настойчиво, будто напоминал: ты здесь не просто гостья. Ты — часть чего-то большего.

Чьи-то руки лежали на её спине — чужие, но почему-то не пугающие. В них чувствовалась странная, почти родная уверенность. Она подняла взгляд.

Перед ней стоял мужчина в маске. Белой, с узкими прорезями для глаз. Маска скрывала всё, кроме чёткой линии губ и острых скул. Но волосы — их невозможно было спрятать. Они ниспадали на плечи, белые, как первый снег, с едва заметной синевой у корней, будто тронутые лунным холодом.

И крылья.

Огромные, переливчатые крылья за его спиной. Не птичьи — ангельские. Перламутр и жемчуг: серебристо-розовые, с голубоватым отливом у основания, мерцающие, как рассвет над морем. И только у самых кончиков — несколько перьев цвета воронова крыла, будто тень уже тогда коснулась его, оставив свой след.

Крылья, — подумала она. — Неужто ангел Божий спустился ко мне?

Его рука сжимала её ладонь — прохладная, но живая, с ощутимым теплом под кожей. Он вёл её в танце так легко, что она едва поспевала, но не спотыкалась: ноги сами находили ритм, словно повторяли движение, выученное в какой-то прошлой жизни, тысячу лет назад.

Вокруг кружились пары — силуэты в масках, в дорогих одеждах, украшенных камнями, которые стоили бы целое состояние там, откуда она пришла. Но у них не было лиц — лишь размытые пятна, пустые овалы, словно кто-то небрежно стёр их акварелью по мокрой бумаге. Их движения были плавными, почти механическими, а смех — отдалённым эхом, растворявшимся в музыке, которую она слышала, но не могла назвать».

*****

Я откинулась на спинку стула и медленно выдохнула. Пальцы всё ещё дрожали над клавиатурой, будто продолжали сжимать прохладную ладонь партнёра по танцу. Перечитала последний абзац — и по спине пробежал холодок, тот самый, что появлялся всегда, когда строчки выходили правильными. Словно не я их писала, а кто-то водил моей рукой.

Передо мной мерцал экран ноутбука, курсор в Word горел одиноким маячком. Три часа ночи. Белая страница ждала продолжения, но строчки больше не шли — будто иссякли разом, оставив после себя пустоту в груди и привкус чужого, нездешнего бала на губах.

На рабочий стол мягко запрыгнула Калипсо — чёрная, с белоснежной грудкой и голубыми, как у матери, глазами. Вылитая Клеопатра. Чистокровная тайская, из тех, что, по легенде, охраняли королевские короны.

«Влад подарил её мне на четырнадцатый день рождения», — мысленно повторила я, и в груди что-то сжалось — привычно, глухо, как старая рана на погоду. За день до того, как всё рухнуло, Клеопатра пропала: вышла погулять за ограду и не вернулась. Отслеживающий ошейник кто-то снял — аккуратно, будто знал, где искать.

«Идиотка, — ругала я себя в тысячный раз. — Надо было чипировать».

Теперь уже не вернуть. Зато у Клео осталось потомство — хоть какая-то частичка её, живое напоминание. Калипсо спрыгнула со стола, мягко приземлилась на пол и потёрлась о мои ноги, будто напоминая: хватит сидеть, оторвись уже от экрана. Я невольно посмотрела на часы: 3:15.

В последнее время будто растворилось — минуты текли, как песок сквозь пальцы.

Я встала со стула; тот отозвался тихим скрипом, будто тоже устал от бессонной ночи. Спина затекла.

«Чёрт, антидепрессанты забыла выпить…» — мелькнуло в голове.

Рука сама потянулась к блистеру на подоконнике, но замерла на полпути: сначала кофе. Иначе таблетка встанет поперёк горла. Босыми ногами я шагнула на холодный ламинат и заварила третью, за ночь кружку. На столешнице поблёскивала кофемашина —подарок Егора на прошлый Новый год, — но руки сами потянулись к банке с растворимым порошком. Не до ритуалов, когда строчки всё ещё крутятся в голове, а за окном — глухая мартовская ночь, тёмная и безмолвная.

Я смотрела, как растворяются гранулы в кипятке, и думала о масках. О танце. О крыльях.

Почему перламутр? Не золото. Не белый мрамор. Именно этот перелив — хрупкий, на грани между жемчугом и радугой. Словно крылья не просто отражали свет, а жили собственной, отдельной жизнью.

Калипсо мяукнула. Тихо, требовательно. Напомнила: ты здесь. Не в бальном зале. На кухне. В Мурино.

Я обвела взглядом светлые стены — чистовая отделка, даже без обоев. Ламинат под босыми ногами был холодным. Ян купил мне эту квартиру два года назад, а я до сих пор не сделала здесь ремонт. Просто не видела смысла. Зачем обживать место, которое не чувствуешь своим?

Рядом с кофемашиной теснились мультиварка и чайник. На единственном шкафу, словно на необитаемом острове, примостились микроволновка и тостер. В пенале у окна — крупы, чаи, банка растворимого кофе, к которому я тянулась чаще, чем к нормальному.

— Знаю, Кали, — прошептала я. — Надо спать.

Вернулась в комнату.

Здесь было темнее. Тяжёлые шторы цвета кофе с молоком не пропускали даже лунный свет. Я не стала включать верхний свет — только экран ноутбука бросал бледный прямоугольник на стены, оклеенные плакатами BLACKPINK. Лиса смотрела с одного плаката, Дженни — с другого, а Розэ, моя любимая, висела прямо над столом. В углу громоздились коробки с вещами — я так и не разобрала их, когда въехала сюда два года назад. Они стояли заклеенные, пыльные, как напоминание о том, что у меня не было сил начать новую жизнь. Я привыкла к ним, как привыкают к беспорядку, который перестаёшь замечать. За спиной, на книжном шкафу, стоял мерч: светящаяся палочка, брелок, программка с концерта, на который я так и не попала. Билеты до сих пор лежали где-то в ящике — неиспользованные. Я не смотрела на них уже много лет. Не могла. Они напоминали мне о той версии меня, которая умерла вместе с Ним в горящем доме.

Рядом с мерчем — книги. Гоголь, Булгаков и несколько старых, потёртых фолиантов из букинистических лавок: «Ангелы и демоны в искусстве» с гравюрами Блейка, «Мистическая анатомия» в кожаном переплёте, сборник средневековых проповедей о падших духах. Они пахли пылью, воском и чужими жизнями. Я перебирала их по ночам, когда не могла уснуть, — листала, вдыхала, черпала вдохновение для своей книги. И фэнтези — то, что осталось с детства. Зачитанные корешки, пожелтевшие страницы. Я иногда брала их в руки, но уже не читала. Просто помнила.

Я мельком увидела себя в зеркале над комодом — и, как всегда, захотела отвести взгляд. Но на секунду задержалась. Стекло показывало молодую девушку, которой давно шло за двадцать. Бледная, почти прозрачная кожа — такая, что на висках просвечивали голубые ниточки вен. Лицо овальное, с мягкими линиями: скулы не слишком резкие, подбородок аккуратный. Глаза миндалевидные — когда-то меня называли «кошачкой» из-за разреза. Нос прямой, губы с чётким изгибом верхней — «лук Купидона», как говорил визажист. Волосы — до плеч, пря-

мые, с длинной чёлкой. Тёмно-шоколадные, с прядями цвета осенней листвы — мой естественный цвет, который когда-то восхищал стилистов. Теперь они лежали жирными, нечёсаными волнами, и я не помнила, когда мыла их в последний раз. Кажется, позавчера. Или три дня назад?

Время текло странно: то растягивалось, как резина, то схлопывалось в одну точку — и тогда целые сутки исчезали, будто их и не было.

Серые глаза смотрели из зеркала с пустоватым выражением, которое появляется, когда ты уже выплакала всё, что могла, и внутри осталась только тишина. Взгляд не бегал, не метался — он просто отсутствовал. Как будто душа вышла из комнаты, оставив тело доводить эту ночь до конца.

Я поправила лямку футболки, сползшую с плеча, и заметила, как дрожат пальцы. Не от холода. От кофе. От трёх кружек за ночь. Калипсо запрыгнула на комод и ткнулась носом в моё отражение. Я моргнула. Девушка в зеркале моргнула тоже. Я закрыла ноутбук и встала со стула. Стул скрипнул, прощаясь.

Прежде чем лечь, я по привычке бросила взгляд на комод. Там, в нижнем ящике, за старыми чеками и ненужными проводами, лежали несколько глянцевых карточек, которые я не доставала уже много лет. Но я помнила их наизусть. Моё лицо — кукольное, серьёзное, с идеальным контурингом, на который ушло три часа. На одной я в алом платье, на другой — в мужском пиджаке на голое тело. Съёмка для модного каталога. Я тогда злилась на Влада за то, что он заставил меня работать, а он сказал: «Привыкай, Снежка. Ты теперь не просто моя девушка. Ты — лицо». Не моё. Его. Контракт с этим агентством был на год, и я закрыла его досрочно, как и все остальные — как только он погиб.

Я никогда не вешала эти снимки на стену.

В голове всплыла картинка из детства. Я лежу на полу в пустой комнате, пока мамы нет, и смотрю на обои с цветочками. Они уже начали отклеиваться — как всё в том доме. Я тогда подумала: «Когда вырасту, у меня будет свой дом. Не такой, как этот. Не такой, где пахнет чужим табаком и где по ночам слышны ссоры за стеной». Я хотела место, где можно остаться. Где не нужно собирать чемодан каждый раз. Где я не буду чувствовать себя чужой. Но потом я выросла и поняла: таких мест не существует. Только временные пристанища. И я всё ещё ищу то самое.

Плакаты BLACKPINK появились позже — когда квартира в Мурино стала моей первой собственной территорией, а модель Эвелин перестала существовать. Но иногда, проваливаясь в сон, я всё ещё видела вспышки софитов и слышала голос фотографа: «Выше подбородок, милая. Ты здесь не для того, чтобы думать».

Я легла в холодную постель. Калипсо не ушла, не передумала — просто придвинулась ближе и лизнула мою мокрую щёку. Шершавый язык, тёплый и настойчивый. Какое умное животное. Гораздо умнее и преданнее некоторых людей.

Меня разбудил настойчивый стук в дверь. Звонок у меня давно не работал: стоило вставить батарейки, как их хватало от силы на пять дней — не больше. А новые я так и не собралась купить.

Не успев даже надеть тапочки, я бросилась открывать. Торопливо повернула замок — и в дверном проёме возникли Янчес и Майя, его младшая сестра: веснушчатая, рыжеволосая, поразительно эффектная — самая настоящая москвичка. Я-то думала, она всё ещё в Венеции, навещает Костю, их с Яном двоюродного брата, но, видимо, уже вернулась.

Ян держал в руках огромную коробку, а Майя — торт и несколько пакетов из магазинов.

— М-м… Майя? Ян?.. — растерянно пробормотала я.

Ян первым переступил порог, аккуратно поставил внушительную коробку на тумбу и, слегка прихрамывая на правую ногу, направился в прихожую. На вид ему было чуть за тридцать, однако истинный возраст безошибочно выдавали глаза — холодные, серо-голубые,

словно зимнее небо накануне снегопада, с вечной насмешливой искоркой в глубине зрачков. Одет он был безукоризненно: дорогое тёмно-серое пальто, распахнутое на груди, под ним — идеально сидящий костюм, а на запястье поблёскивал солидный хронометр. Он неизменно производил впечатление человека, только что покинувшего деловую встречу, — вне зависимости от того, состоялась ли она в разгар дня или в три часа ночи. Майя, не дожидаясь приглашения, проскользнула в квартиру следом. Торт она осторожно водрузила на тумбу у двери, а пакеты из бутиков небрежно бросила на свободный табурет. На ней было светлое кашемировое пальто, наброшенное на плечи; под ним виднелось короткое платье с замысловатым, явно дизайнерским узором. Рыжие волосы собраны в высокий, нарочито небрежный пучок, из которого уже выбилось несколько прядей. Веснушки щедро рассыпались по носу, глаза были серо-голубыми — едва ли не единственное, что роднило её с братом. Во всём облике читалась фирменная небрежная элегантность: казалось, она только что сошла с трапа самолёта, но при этом выглядела так, будто готова позировать для глянцевой фотосессии.

— С прошедшим днём рождения, Эль, — Ян поправил воротник пальто и неторопливо оглядел меня с головы до ног.

«Что? С прошедшим?.. О чём это он?.. А, блядь. Точно. У меня же вчера был день рождения. Двадцать четыре года. А я и не заметила даже».

Майя, уже сбросив туфли, фыркнула:

— Ты бы хоть в глазок смотрела, дурында! А если б там не мы стояли?

— Как Венеция? — спросила я, всё ещё не до конца придя в себя и пропуская её вопрос мимо ушей.

— Сыро, — отмахнулась Майя. — Но шопинг отличный. Я тебе потом покажу, что привезла. Кстати, Костя передавал тебе привет.

Я вернулась в комнату, на ходу натягивая тапочки, и мельком поймала своё отражение в зеркале. Боже, надо бы снять это зеркало — всё равно от него никакого толку. Оно безжалостно показало утренний хаос: волосы торчали во все стороны, словно я провела ночь в эпицентре урагана, лицо выглядело помятым, а на щеке, как всегда перед месячными, проступили высыпания. Кожа казалась ещё бледнее обычного. Воспоминания нахлынули: я часто болела. Мама без устали таскала меня по больницам, кутала чуть ли не в десять шарфов — будто это могло защитить от бронхитов и трахеитов, ставших моими вечными спутниками. А всё началось ещё с рождения раньше срока. Вспомнились слова матери: «Все дети, как дети, а ты у меня — ходячее бедствие. Чуть что, так заболела».

Я тряхнула головой, отгоняя тяжёлые мысли, и направилась на кухню. Там уже хозяйничали Майя и Ян, ловко расставляя приборы.

— Я не знала, что вы приедете. Простите. Телефон… — начала я, но осеклась.

«А где мой телефон? Чёрт. Что со мной происходит? Всё забываю, провалы в памяти. Живу как в каком-то ступоре. Хотя живу? Скорее, существую…»

Ян оторвался от сервировки и бросил на меня короткий, оценивающий взгляд. Не осуждающий — скорее профессиональный. Так смотрят на проблему, которую нужно решить, взвешивая все варианты.

— Телефон в спальне, под подушкой, — бросил он, не глядя. — Я звонил раз десять. Ты даже не взяла трубку. Пришлось ехать самому, потому что я уже думал, ты сдохла там от голода или ещё чего.

— Эм, а ты откуда знаешь?

— Чо там знать-то? — ответил Ян как ни в чём не бывало. — Ты всегда его там бросаешь. Это уже аксиома.

Майя, уже расставлявшая чашки на столе, обернулась и фыркнула:

— У тебя такой вид, будто ты не проснулась, а восстала из мёртвых.

Я ничего не ответила. Просто смотрела, как она ловко раскладывает ложечки, как Ян включает кофемашину, как на столе появляется торт — шоколадный, с нежными кремовыми розами, слегка подрагивающими при каждом движении. И чувствовала себя немного чужой на этом празднике, который устроили для меня.

— Садись, Эль, — Ян кивнул на стул. — Разговор будет долгим.

По его тону я поняла: он приехал не только ради торта. В воздухе повисло что-то важное, ещё не озвученное, но уже ощутимое — как напряжение перед бурей.

Глава 2

Я села — между ними, неловко пододвинув стул. Передо мной появился кусочек торта. Я подняла глаза, невольно задержав взгляд, и тихо спросила:

— Что-то случилось?..

Ян отложил ложечку.

— Ничего не случилось, Эль. Просто я смотрю на тебя и вижу, что ты не вылезаешь из этой квартиры уже два года. А до этого четыре года пряталась на Чеджу. Я сам тебя туда отвёз, помнишь? После пожара. Сказал: «Посиди тихо, пока всё не уляжется». Думал, год-два — и ты вернёшься. А ты просидела там четыре года.

Майя подняла глаза от чашки и добавила — мягче, чем обычно, без привычного сарказма:

— Когда мы тебя оттуда забирали, ты весила сорок пять килограммов. Я сама несла твой чемодан, потому что ты не могла поднять даже его. Ты помнишь это?

Я помнила. Смутно, как сквозь плотный туман, пропитанный запахом солёного ветра и мандариновых рощ. Чеджу — остров вечной зелени и тишины. Там было тепло, спокойно и пусто. Ни звонков, ни обязательств. Там можно было не притворяться живой — просто существовать, растворяясь в ритме волн и шелесте пальм. Днём я учила химию. Методично, как будто сдавала экзамен, который никто не назначал. Мы с Владом когда-то создали то, из-за чего однажды за мной придут. Чтобы защитить это, мне нужно понимать, что скрывается за каждым названием в списке. Уметь ответить так, чтобы не соврать заметно: наука — лучший способ лгать. Когда ты говоришь правду о свойствах вещества, тебя невозможно уличить во лжи о его происхождении.

Но химия — не единственное, чему пришлось учиться. Запоминать, у каких улиц нет камер. Замечать сколько секунд занимает поворот на заправку и есть ли там второй выезд. Читать людей: кто смотрит на тебя на две секунды дольше положенного, кто слишком медленно сдаёт мелочь. Учиться не отвечать сразу — пауза всегда значит больше, чем любое слово. И держи в голове не одну версию, а три: одну для тех, кто бьёт, одну для тех, кто говорит, одну — для себя. Потом добавилась экономика. Не та, что в учебниках, — та, что живёт в его мире. Как движение денег выдаёт людей: один счёт, второй, компания-пустышка, аренда, которую никто не проверяет. Я училась читать отчётность так же, как он читал лица, — и находить то, на чём горят умные люди. Мелочь вроде несовпадения дат. Цифры не волнуются, не путаются, не дают слабины — они просто лежат и ждут, пока кто-нибудь их сложит неправильно. И языки. Потому что разговоры в таких кругах не всегда шли на одном языке, а я не собиралась быть той, кто улыбается, не понимая, о чём договорили за столом. Слушать и делать вид, что не понимаешь, — отдельное искусство.

И ночами я не спала. Я лежала и смотрела в потолок, пока страх не начинал душить — тот самый, без причины, без имени. Снотворное не помогало. Оно просто делало меня тяжёлой, как камень, но не выключало сознание. И тогда я думала о том, как было бы легко взять и выпить все таблетки разом. Хотела, чтобы это прекратилось. Тишина. Темнота. Ничего.

— Когда всё улеглось, я предложил тебе вернуться в Питер, — продолжил Ян, не сводя с меня взгляда. — Но ты сказала: «Только не туда». Попросила что-нибудь подальше от центра — Ленобласть, новостройку. Сказала, что хочешь начать с чистого листа. — Он обвёл взглядом кухню — скромную, почти аскетичную, с минимумом вещей и без намёка на уют. — И вот мы здесь. Два года спустя.

В воздухе повисла тяжёлая пауза. Запах шоколадного торта с кремовыми розами вдруг показался мне чужим, неуместным в этой реальности, которую я так старательно выстраивала вокруг себя — как крепость, как убежище, как тюрьму.

«Ах, вот в чём дело… „Спасать“ приехали. А я-то думала, и правда день рождения, торт…»

Я повернулась к Яну, так и не откусив ни кусочка.

— Что ты хочешь от меня, Ян? Скажи честно. Чтобы я что — жила как обычный человек? Что не так? Я живу. Пишу книгу — скоро издам, уже почти конец. У меня есть кошки. Ну не обклеиваю я квартиру обоями, и что? — голос дрогнул, но я упрямо продолжила: — А то, что денег я у тебя не беру — да, не беру. Потому что ты… вы… ваша семья и так уже много для меня сделала.

Я отвела взгляд, уставившись на узор скатерти — бессмысленный завиток, который вдруг показался мне символом всей моей жизни: замкнутый круг, из которого не вырваться.

Ян выслушал мою тираду, не перебивая. Только пальцы, сжимавшие ложечку, чуть побелели. Майя застыла с чашкой в руке, переводя взгляд с меня на брата. Повисла тяжёлая, вязкая тишина — такая густая, что её, казалось, можно было разрезать ножом.

Ян аккуратно вытер пальцы салфеткой. И заговорил тихо, но в его голосе звенел металл — холодный и непреклонный:

— Ты хочешь сама? Хорошо. Давай посчитаем, что ты сделала сама. Ты сидишь в этой квартире почти безвылазно. Забываешь поесть. Забываешь выпить таблетки. Не отвечаешь на звонки сутками. Ты спишь по три часа и называешь это жизнью.

Майя тихо поставила чашку на стол.

— Ян… — предостерегающе начала она, но он не остановился.

— Ты говоришь, что хочешь сама. Но ты не «сама». Ты медленно убиваешь себя в этой квартире. И мы, — он кивнул на сестру, — приехали потому, что ты — наша семья.

Он замолчал на мгновение, словно собираясь с силами.

— Ты была с Владом три года. Ты прошла через ад, который я не пожелал бы никому. А теперь ты сидишь здесь и делаешь вид, что справляешься. Но ты не справляешься, Эль. Я не прошу тебя брать деньги. Прошу — взять себя в руки. Если ты не можешь этого сделать, давай этим займутся специалисты. Потому что Влада больше нет. И если с тобой что-то случится, кто будет в этом виноват? Я.

Майя потянулась через стол и накрыла мою ладонь своей — тёплой, мягкой, пахнущей дорогим кремом и ванилью.

— Мы тебя вытащили с Чеджу не для того, чтобы ты заживо похоронила себя здесь, — сказала она очень тихо. — Просто дай нам помочь. Мы выберем тебе хорошую частную клинику. Ладно?

«Влада больше нет. Влада нет. Нет. Специалисты».

Эти слова ударили так, словно мне на сердце вылили расплавленное железо. Глаза защипало, но я сдержалась — не позволю слезам пролиться. Я повернулась к Яну, и слова вышли ядовитыми, пропитанными горечью:

— А ты, я вижу, давно смирился, да? Конечно. Ещё тогда, при пожаре, ты мне что сказал? «Всё кончено». Слишком странная фраза, когда твой младший брат лежит с простреленной башкой!

Ян побледнел. Только желваки заходили под скулами. Майя замерла, забыв убрать руку. На кухне стало так тихо, что слышно было, как в соседней комнате мурчит Калипсо — убаюкивающе и спокойно.

Он не отвёл взгляд. Не вспылил. Только пальцы, сжимавшие край стола, побелели ещё сильнее.

— Ты думаешь, я смирился? — голос у него стал низким, чуть хриплым, словно прорвался сквозь годы невысказанной боли. — Ты думаешь, я спал спокойно эти семь лет? Ты думаешь, я не прокручивал ту ночь в голове каждую грёбаную неделю?

Он отодвинул стул и встал. Прошёл к окну, замер, глядя на серый двор новостройки — унылый пейзаж, отражающий моё внутреннее состояние.

— Я сказал «всё кончено», потому что если бы я тебе не сказал это тогда, ты бы осталась там. Сгорела бы вместе с ним. Ты меня кусала, царапала, орала. Я тебя вытащил силой. А потом отвёз на Чеджу, потому что если бы ты осталась здесь, ты бы нашла способ покончить с собой. Скажешь не так?

Он повернулся. В его глазах — тех самых, серо-голубых — не было ни насмешки, ни холода. Только глубокая, изматывающая усталость, накопленная за годы борьбы.

— Я не смирился, Эвелин. Я просто выбрал. Смирился ли я с этим? Нет. Но я бы сделал это снова.

Я только сейчас заметила, что Майя всё ещё держит мою ладонь. Тёплую — этот простой человеческий жест стал резким контрастом тому хаосу, что творился у меня внутри. Я почувствовала себя ужасно. Зачем я это сказала? Я ведь прекрасно знала, как тяжело пришлось Яну. Ещё тогда, на похоронах, когда мы закапывали в землю то, что осталось от Него.

Я помнила, как он едва сдерживался, чтобы не заплакать. Но вместо этого поддерживал — сестру, а потом ещё и меня, которая свалилась на его плечи как гиря. Их отец, Эдуард, умер за два года до гибели младшего сына — от сердечного приступа. Обстоятельства так и остались неясными. О матери, сколько я помнила, Влад никогда не говорил. Лишь однажды обронил, что она ушла из дома, когда ему было девять— а на её похоронах, разумеется, его не было.

Перед глазами пронеслась сцена из прошлого.

2015 год. Посёлок «Графские пруды», Подмосковье.

Я сидела в просторной гостиной, утопая в мягком кресле с высокой резной спинкой. В руках держала фарфоровую чашку с остывшим чаем, пытаясь согреть о неё озябшие пальцы. За окном ноябрьский ветер гнал по небу свинцовые тучи, а голые ветви старых лип царапали стёкла.

Я разглядывала дом семьи Влада — огромный, величественный, словно особняк из старинного романа. Он впервые привёл меня сюда, и внутренняя девочка гордилась собой. Ведь мой парень знакомит меня с семьёй! Это для меня было огромным событием. Все одноклассницы обзавидовались бы. Но его долго не было, и тревога начала закрадываться в душу. «Надо бы поискать его», — подумала я и поднялась по широкой лестнице из тёмного дуба с витиеватыми перилами.

Дом был настоящим лабиринтом — в два, а то и в три раза больше того, где я выросла. Но блуждать мне не пришлось: из-за полуприкрытой двери донёсся голос, резкий и напряжённый:

— Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? — слова звучали глухо, будто он говорил сквозь зубы. — Ей четырнадцать, Влад! Четырнадцать! Ты притащил ребёнка в дом и собираешься знакомить с отцом?

Я замерла у двери, боясь пошевелиться, выдать себя малейшим шорохом.

— Она не ребёнок, — отозвался Влад спокойно, с привычной ленцой в голосе. — Она моя девушка. И я её никуда не тащил. Она сама пришла.

— Куда она сама пришла?! Ты её сманил! Ты хоть понимаешь, что светит за это? Статья. Реальный срок. Ты об этом подумал? — голос Яна звенел от сдерживаемого гнева.

Пауза затянулась. Я стояла ни жива, ни мертва, хотела уйти, но ноги словно приросли к полу. Потом Влад заговорил снова — тихо, но очень чётко. Так он говорил, когда был в бешенстве, но сдерживался:

— Я её не тащил. Я её забрал. Оттуда, где она никому не была нужна. Школе — похуй. Матери — похуй. И да, ей четырнадцать. А ещё она красивая, умная и через пару лет будет стоить миллионы. Ты этого не видишь, потому что ты у нас правильный. А я вижу.

— Ты сумасшедший, — выдохнул Ян.

— Может быть. Но она останется здесь. И ты ничего с этим не сделаешь, потому что ты мой брат. И потому что ты сам понимаешь: я прав.

— Прав? — голос Яна сорвался почти на крик. — В чём ты прав?! В том, что притащил в дом ребёнка? В том, что собираешься использовать четырнадцатилетнюю девчонку? Ты охуел, Влад? Ты хоть слышишь себя со стороны?

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь гулом в ушах. Я не могла отойти. Каждая мышца будто окаменела.

За дверью послышались шаги — тяжёлые, уверенные. Я поняла: сейчас меня увидят. Сейчас дверь распахнётся — и всё.

И тогда я сорвалась с места. Бесшумно, как кошка, метнулась назад по коридору — мимо антикварных столиков с фарфоровыми статуэтками, мимо старинных картин в золочёных рамах, высоких напольных ваз с восточными узорами. Вниз по лестнице, в гостиную. Сердце грохотало в ушах, заглушая всё остальное. Я плюхнулась в кресло, судорожно схватила чашку, сделала вид, что пью.

Шаги наверху стихли. Кажется, никто не заметил.

Воспоминание рассеялось, как дым. Я взглянула на Яна. Мне хотелось сказать ему, что я всё слышала тогда. Что я знаю: он, возможно, единственный адекватный человек в этом дурдоме. Но вместо этого я выдавила:

— Прости. Прости меня. Я… я… — я потёрла лицо руками. — Я не хотела всё это говорить. Я не знаю, что со мной происходит. Я знаю, что ты ничего не мог сделать и… сейчас не можешь…

Но я не смогла договорить. Меня перебил телефонный звонок Яна. И судя по тому, как он скривился, звонила его Настёна. Так я за глаза называла его девушку. Ей было около двадцати. Похоже, выбирать девушек сильно моложе — это наследственное у всех Холодовых. Всё, что я о ней знала: она училась в ИТМО и называла Яна «масиком». Её визгливый голос, растягивающий гласные, был слышен всякий раз, когда она звонила.

Ян отошёл к окну, и я услышала отрывок разговора:

— Настя. Настя, тише. Скажи мне, ты в порядке?.. Хорошо. Машина?.. Понял. Никуда не уходи, я сейчас.

Он сбросил вызов и на пару секунд прикрыл глаза, считая про себя до десяти. Когда открыл их, передо мной снова был тот самый Ян Холод: спокойный, собранный, решающий чужие проблемы.

— Девочка влетела в кого-то на своём «Матизе». Говорит, тот начал орать, вызывать ГИБДД, она испугалась. Надо ехать.

Майя тихо фыркнула в чашку:

— Конечно, влетела. У неё стаж вождения — полгода, а машинка размером с микроволновку. Как она вообще права получила, я не знаю. Хотя нет, знаю — купила.

Ян бросил на сестру предупреждающий взгляд, уже накидывая пальто.

— Эль, разговор не закончен. Мы к этому вернёмся. Но позже. Сейчас у меня там девочка, которая, видимо, пыталась припарковаться и случайно въехала в чью-то BMW.

Он замер в дверях, уже взявшись за ручку, и бросил быстрый взгляд на Майю.

— Ты со мной или останешься?

Майя, не отрываясь от чашки, лениво махнула рукой:

— Останусь. Я не горю желанием смотреть, как твоя Настёна хлопает ресницами перед гаишниками. К тому же, — она кивнула на меня, — тут есть с кем поговорить. Иди уже, спасай свою девочку.

Ян на секунду задержал на мне взгляд, словно хотел что-то добавить, но передумал.

— Я позвоню, — бросил он уже через плечо. — И трубку возьми.

Дверь закрылась. В квартире стало тихо. Только часы на микроволновке мерно отсчитывали секунды.

Майя подлила себе ещё чаю, устроилась поудобнее и посмотрела на меня — без прежнего сарказма, но с цепким вниманием.

— Ну что, Эль, — сказала она, пододвигая ко мне забытый кусок торта. — Давай теперь без брата. Рассказывай, что у тебя на самом деле.

— Я… не хочу говорить об этом больше. Лучше ты расскажи. Как Венеция? Как твой… — я запнулась, беря ложку с тортом и пытаясь вспомнить, как зовут молодого человека Майи, — Алехандро? Или ты действительно ездила только из-за показа и Кости? Как он там?

Майя поперхнулась чаем.

— Алессандро, — поправила она, аккуратно утирая губы салфеткой. — Алехандро — это мексиканский сериал, Эль. Моего молодого человека зовут Алессандро. Будь добра, не путай. Насчёт Кости — да, всё у него нормально. Правда, он полчаса ворчал, что Ян ведёт дела в никуда. Сказал, если так пойдёт дальше, он сам возьмёт всё в руки.

Она откинулась на стуле, и в её глазах загорелся тот самый огонёк — яркий, живой, который появлялся всякий раз, когда речь заходила о её личной жизни. Не смущение, а предвкушение хорошей истории, будто она готовилась рассказать сказку, в которой сама была главной героиней.

— Ой, ой, прости-прости, Алессандро, — я хихикнула, всё ещё улыбаясь.

— Вообще-то я ездила на показ. Честно. Но он прилетел следом. Сказал, что не может допустить, чтобы его дама была в Венеции одна, — она сделала паузу, явно наслаждаясь эффектом. — Алессандро — венецианец. В смысле, он из тех самых, у кого семья живёт в палаццо на Гранд-канале. Мы познакомились в Милане год назад, и с тех пор…

Она не договорила, но её улыбка сказала всё: в ней читались восторг, нежность и та самая искра, что бывает, когда человек говорит о чём-то по-настоящему дорогом.

— Кстати, — Майя вдруг подалась вперёд и хитро прищурилась, — я тебе кое-что привезла. Подарок.

Она потянулась к одному из пакетов, брошенных у двери.

Мои проблемы, ещё минуту назад казавшиеся невыносимыми, вдруг отступили, словно туман, рассеивающийся под лучами солнца. Энергия Майи заполнила всю квартиру, вытесняя тяжесть и тоску. Я повернулась к прихожей.

— Подарок? Я думала, что та огромная коробка, которую вы с Яном притащили, — это и есть он. Ну, типа, от вас двоих.

Майя обернулась через плечо и фыркнула.

— Эта коробка, — она кивнула на огромный свёрток, который Ян поставил на тумбу у двери, — от Яна. Он сказал: «Что-то практичное». А я знаю, что это такое, и поверь мне, это максимально скучно. То ли мультиварка, то ли робот-пылесос, то ли нечто, что одновременно пылесосит и готовит. Я не вникала.

Она выудила из пакета небольшой, но очень красиво упакованный свёрток. Матовая бумага, атласная лента — сразу видно, бутик.

— А это — от меня. И это не практично. Это красиво.

Майя присела на корточки, потрепала Калипсо за ухом и протянула подарок мне.

— Держи. С прошедшим днём рождения, Эль.

Я взглянула на коробку, потом на Майю и нерешительно взяла её из рук, осторожно развязывая бантик. Движения были медленными, почти ритуальными — будто я боялась нарушить волшебство момента. Открыв коробочку, я увидела эмблему Dior. Замерла.

— Май, не стоило, ты… — начала я, но она бросила на меня взгляд, ясно говоривший: «Да открывай ты уже, Господи!»

Не став испытывать её терпение, я открыла коробку. Внутри, на бархатной подушке, лежало платье. Я замерла.

Глубокий, бархатистый чёрный цвет корсета, словно ночное небо, без единого шва перетекал в роскошный фиолетовый градиент. Подол юбки, струящийся и тяжёлый, играл оттенками от нежного аметиста до густого черничного полумрака в самом низу. Взгляд завораживала изысканная вязь чёрного кружева: тонкие, словно нарисованные тушью, завитки вились по светлеющей ткани, напоминая таинственные узоры инея или корни древнего дерева. Лёгкие, рассыпанные по подолу блёстки не сияли ярко, а лишь мерцали, будто отблески далёких звёзд в ночной воде. Пояс украшала вышитая эмблема: «Э.М.» — Эвелин Морнэ, моё полное имя. Значит, платье было создано на заказ.

Я отложила коробку. У меня не было слов — только горло сдавило тисками, а к глазам подступили слёзы. Я очень любила красивые вещи. Когда-то. Казалось, в другой жизни. Дрожащими руками я обняла Майю.

— Спасибо, оно великолепное, — прошептала я.

Майя обняла меня в ответ — крепко, сжав так, что рёбра чуть не хрустнули.

— Ну, наконец-то, — пробормотала она мне в плечо. — Я уж думала, ты вообще разучилась радоваться. Платье — это не просто тряпка, Эль. Ты была моделью. Ты блистала. И ты ещё будешь. Я в это верю. А пока — просто примерь, ладно?

Она чуть отстранилась и посмотрела на меня тем самым взглядом, в котором смешались строгость, любовь и лёгкая насмешка.

— И да, если ты сейчас скажешь «ой, но там же некуда пойти», я тебя стукну. Вот этой самой коробкой.

Я рассмеялась и подняла руки в жесте капитуляции.

— Всё-всё, иду примерять.

Майя прищурилась и вдруг спросила:

— А где Фелюша? Что-то я его не вижу.

Я уже почти скрылась за дверью, но остановилась на пороге.

— А, Фелюшу? Его забрал Егор четыре дня назад на кастрацию. Завтра должен привести обратно.

С этими словами я зашла в комнату. Переодевшись, вышла обратно на кухню. Платье оказалось с тремя подъюбниками — оно чуть шуршало при ходьбе, создавая какой-то волшебный, почти церемониальный звук. Я пригладила подол руками, стараясь унять волнение.

— Ну как?.. — тихо спросила я.

Увидела её лицо — и осеклась.

— Ты… ты чего?

Майя стояла, прижав ладони к щекам. В её глазах блестели слёзы, но в них не было печали. Напротив, в них светилась особая радость, будто она увидела что-то давно утраченное и снова обретённое.

— Эль… — выдохнула она. — Ты… ты просто невероятная.

Она шагнула ко мне, всё ещё не опуская рук, словно боялась, что видение исчезнет, если она отведёт взгляд.

— Я помню тебя на том показе. Помню, как ты шла по подиуму. Ты была как ледяная статуя — красивая, недоступная. И сейчас… — она покачала головой, и в её голосе зазвучали нотки восхищения. — Ты снова такая. Как тогда. Только ещё лучше.

Она всхлипнула и рассмеялась одновременно.

— Вот чёрт. Я же красилась сегодня. Теперь тушь потечёт.

Майя достала из сумочки салфетку и аккуратно промокнула глаза, стараясь не размазать макияж. Потом строго посмотрела на меня — но в этой строгости читалась безграничная любовь.

— И что это за вопрос «как»? Ты убийственно прекрасна, и ты это знаешь.

Она взяла меня за руку и заставила медленно повернуться вокруг своей оси.

— Идеально. Сидит как влитое. Алессандро бы сказал: «bellissima». Но он не дождётся. Я тебя ему не покажу, — она подмигнула, и в этом жесте было столько тепла и заботы, что мне вдруг стало по-настоящему легко.

— Что, такая собственница? — хихикнула я, уже уходя переодеваться в обычную одежду.

Когда я вернулась, Майя уже собрала посуду со стола и явно хотела что-то спросить — но, возможно, боялась ляпнуть лишнего.

— Ну чего? — подбодрила я её, слегка подталкивая к разговору.

Она поставила последнюю тарелку в сушилку и, помедлив, спросила:

— Ты говорила, Егор оплатил тебе психолога. Тебе… не кажется, что это слишком широкие жесты для просто друга?

Я, опускаясь на стул, едва не плюхнулась мимо.

— Чего?..

Майя вытерла руки полотенцем и села напротив. Её улыбка исчезла — передо мной теперь была не легкомысленная модница, а внимательная, цепкая девушка.

— Эль, я серьёзно. Парень, который просто дружит, не оплачивает психолога. Не покупает кофемашину на Новый год. Не забирает твоего кота на кастрацию. Не приезжает в три ночи, когда ты не берёшь трубку. Это ненормально для «просто друга».

Она помолчала, покрутила в пальцах чайную ложку, разглядывая её так, будто в этом простом предмете скрывался ответ на все вопросы.

— Ты сама веришь, что он просто друг? Или ты просто не хочешь это замечать, потому что тогда придётся что-то решать?

Калипсо запрыгнула на стол, но на неё никто не обратил внимания. Я посмотрела на Кали — будто она могла подсказать мне верный ответ. Надо что-то сказать… Отшутиться? Да, попробую.

— Ну, ты же подарила мне платье, которое стоит дороже, чем вся мебель в моей квартире. Хотя ты тоже подруга.

Майя даже не улыбнулась. Только покачала головой.

— Не переводи стрелки, Эль. Я твоя подруга, и я подарила тебе платье на день рождения. Это нормально. А Егор — он не просто дарит тебе подарки. Он вкладывает в тебя. Постоянно. Системно. Психотерапия, техника, забота о твоих котах. Это не дружба. Это инвестиция.

Она откинулась на стуле, скрестила руки на груди.

— Я знаю мужчин. И знаю, что «просто друзья» не ведут себя так годами. Он либо надеется на что-то большее, либо… — она замялась, подбирая слова, — либо ты сама даёшь ему повод надеяться.

«Блин. Не вышло», — мелькнуло у меня в голове.

Придётся отвечать честно. Я подняла глаза на Майю и вздохнула.

— Я… знаю. Понимаю. Между нами… знаешь, «недоотношения», «передружба». Как только Влад познакомил нас, мы сначала не очень общались. Такое ощущение, что он… присматривался ко мне. А потом, после… — я замолчала, прежде чем сказать лишнее. — Того, как…

Но я не смогла произнести это вслух. И вместо этого сказала:

— После того самого первого раза.

Кажется, Майя всё поняла. Я продолжила:

— Я тогда не знала, куда идти. Домой? Нельзя. Там был отчим. И если бы он увидел меня такой, то пошёл бы разбираться с Владом. Ему всё равно с кем, только бы руками помахать. А подруг, ты сама знаешь, у меня их особо не было. А те, что были… с такими подругами и врагов не надо. Ну, шла по дороге, куда глаза глядят. Увидела кофейню, а там — Егор. И пошло-поехало.

Майя выслушала, не перебивая. Когда я замолчала, она отложила ложку в сторону и тихо спросила:

— И с тех пор он просто… рядом? — она покачала головой, и в её взгляде читалась искренняя забота. — Это любовь. С его стороны. Я не знаю, что с твоей. Но если ты не чувствуешь того же, ты должна ему сказать. Прямо. Потому что иначе это пытка. Для вас обоих.

Я ничего не ответила Майе. А что я могла сказать? Я и так прекрасно понимала, что поступала как последняя эгоистка: не отпускала его, но при этом особо и не держала. А может, я просто боялась, что, если отпущу, останусь одна? Боялась потерять свою опору в этой жизни. Ведь с Егором я знала: у меня точно есть на кого положиться.

И хоть я и понимала, что в жизни надо полагаться только на себя, — одно дело понимать, другое делать. Тем более сейчас, когда полагаться на себя я не могла. Со мной ведь действительно что-то не так.

Нет, стоп. Это всё Ян. Я тряхнула головой, отбрасывая эти мысли.

— Я знаю. Мне просто нужно ещё немного времени, ладно? — я улыбнулась. Совсем немного, едва заметно. — И спасибо за платье. Мне… мне очень приятно.

Майя не стала продолжать этот разговор. Она всё поняла без лишних слов. Просто взяла свою чашку, сделала глоток уже остывшего чая и улыбнулась в ответ — тепло, без прежнего сарказма.

— Время — это то, чего у тебя навалом, Эль. Главное — не потрать его всё на раздумья. А платье… Носи.

Она встала из-за стола, потянулась, хрустнув суставами, и бросила взгляд на часы.

— Ладно. Мне пора. Нужно ещё разобрать вещи и позвонить Алессандро.

Она собрала свои пакеты, накинула пальто, подошла к двери и обернулась.

— И да — ответь Яну на звонок, когда он позвонит. Он переживает.

Дверь за ней закрылась.

В квартире снова стало тихо. Только часы на микроволновке мерно отсчитывали секунды. Я осталась одна.

Квартира словно потеряла краски — будто кто-то приглушил яркость, оставив лишь серые оттенки. Глубоко вдохнув, я подумала о том, что надо хотя бы вымыться. Ну или, по крайней мере, помыть голову. И найти свой телефон.

Я нашла его упавшим под кровать. Включила. Двенадцать пропущенных звонков от матери. Около семи от Яна — ещё со дня рождения и два сегодняшних. Четыре сообщения от Егора. Поздравления от банков и магазинов с их скидками и промокодами. И одно уведомление из Твиттера: новый подписчик. Я нажала на профиль — аватарка: синее пламя на чёрном фоне, никаких твитов, только ник: Chris_Just_Chris. Я пожала плечами и закрыла приложение. Мало ли ботов.

Начала разгребать эту кучу — в первую очередь позвонила матери. Шесть гудков. «В огороде, что ли? Или в баню пошла?» — мелькнуло в голове. И вот на седьмом, когда я уже хотела сбросить, услышала встревоженный голос мамы, Рафаэллы.

— Алло, мам? Привет. Звонила?

— Привет, Эль.

— Наконец-то! Соизволила ответить матери, Элька. Ты прям как президент — не дозвонишься. Чего хоть делала? Спала, что ли, опять весь день? Я чо звонила-то… Скинь пять тысяч.

— Пять тысяч? За что?

— За ЖКУ.

— За ЖКУ? Так я же больше не живу дома.

— Ну и что, что не живёшь? Счёта-то приходят. Или ты предлагаешь мне одной их оплачивать?Эль, я, знаешь ли, деньги не с неба достаю. Короче, так: не хочешь платить — выписывайся. Остальное не мои проблемы.

И она сбросила — даже не дала вставить слово. Щёлк, и тишина.

Я кинула телефон на кровать, будто он вдруг стал слишком тяжёлым. Экран погас, а в комнате повисла эта звенящая пустота, которую не заполнишь ни вздохом, ни руганью.

«А может, и правда выписаться оттуда?» — мелькнуло в голове. Что меня там держит? Ответ я знала. Но признаться себе в нём было до жути сложно.

Страх царапался где-то под рёбрами, холодный и липкий. Не про счёт и не про бумажки — про то, что, если выпишусь, стану окончательно «совсем сама по себе». Как будто эта прописка — тонкая ниточка, которая ещё хоть как-то держит меня в мамином мире. Порвёшь — и всё, никакого «дома» больше нет.

Я села на край кровати, обхватила колени руками. В памяти всплыло, как после ухода второго мужа Рафаэлла будто сломалась. Не сразу, не громко, без криков — просто начала хвататься за каждого, кто хоть чуть-чуть проявлял внимание. Как будто ей физически становилось невыносимо оставаться одной. «Хоть кто-то рядом» превратилось в «пусть будет хоть какой-то», но ничего не вышло. Был кратковременный третий брак на два года, но тот изменил и с тех пор она одна.

Мама. Для многих мама — это защита, тыл. Но и скандалы тоже. Кто-то боится своих матерей и сминается под ними. Другие так и не могут вылететь из-под маминой опеки — остаются мамиными девочками или сыночками-корзиночками. А я? Я не вписывалась ни в одну из этих категорий. Всегда пыталась уйти, убежать, вырасти как можно быстрее. И в то же время мне хотелось. Хотелось побыть просто ребёнком. Но я не получила этого. Меня вырастила бабушка. Мама родила меня в семнадцать лет. Моему родному отцу, Сергею, я была не особо нужна — он отказался от меня. Все что напоминало о нем, это копейки в виде алиментов и его имя в свидетельстве о рождении .А маме пришлось ехать в Москву на заработки: работать по восемнадцать часов в сутки и спать в той же палатке, где она торговала.

Потом в маминой жизни появился Саша. Он хорошо зарабатывал, и на какое-то время мама забрала меня в Москву. Там я прожила до шести лет.

Уже тогда их брак трещал по швам — и из-за меня. Родители Саши не могли смириться с тем, что у невестки есть дочь. А он… он слишком боялся потерять наследство. В итоге меня отправили обратно к бабушке. А через полгода бабушки не стало. Маме пришлось вернуться.

Иногда мне кажется, что она меня ненавидит. Словно я всё время оказываюсь той самой помехой, которую никак не убрать с дороги. А потом появился Влад. Мама была только рада сплавить меня хоть куда-нибудь — лишь бы освободить себе пространство. Надеялась, что уж теперь-то она наконец заживёт по-своему. И я чувствовала эту надежду — не как тепло, а как облегчение, от которого становилось горько. Как будто моё присутствие всё время мешало ей просто дышать.

Глава 3

«Горячо. Почти как в аду. Воздух будто сгустился, обволакивая жаром, словно невидимое пламя лизало кожу. Мысли сами собой свернули к ней — к той, из-за которой он почти сошёл с ума три месяца назад. Голод тогда въехал в Химки, нашёл её дом, припарковался напротив

подъезда и сидел. Просто сидел, вцепившись в руль, и смотрел на окна — будто надеялся уловить в них отблеск её присутствия.

Она выходила по утрам — высокая, худая, с белыми волосами и красными прядями, будто кто-то мазнул кистью по снегу алой краской. Садилась в автобус, ехала на работу. Возвращалась вечером — иногда с сумками из магазина, иногда просто так, с лёгкой улыбкой, которую он не мог разглядеть, но чувствовал всем существом. Обычная девушка. Обычная жизнь.

Голод не подходил. Не мог. Боялся спугнуть, боялся, что она испугается его взгляда, его одержимости, его молчания. Он просто ждал — как зверь, затаившийся в засаде, но не для нападения, а для поклонения.

Всадник допил кофе, зашвырнул стаканчик в урну. Посмотрел наверх, на окна. Где-то там была она — Лилия. И она стоит того, чтобы просто ждать. А ему хватит и того, что она просто есть. Даже если она никогда не узнает о его любви — о той тихой, всепоглощающей страсти, что сжигала его изнутри. Не оставляя пепла — лишь тлеющие угли надежды.

— Подождём ещё, — сказал он вслух, затягиваясь паром со вкусом мяты и ментола. — Мы умеем ждать».

***

Я отстранилась от монитора ноутбука и удовлетворённо вздохнула. Экран мерцал, отражая усталость в моих глазах, но внутри разливалась тёплая волна гордости: ещё немного — и я закончу.

— Ну вот. Ещё шестнадцать глав — и можно отдать на редактуру, — сказала я сама себе, потягиваясь и разминая затёкшую шею.

Я уже собиралась вернуться к тексту, но пальцы замерли над клавиатурой: в дверь постучали.

Хм. Странно. Уже 18:15, и я вроде никого не жду. Кого это принесло?

Натянув тапочки, я поплелась к двери, бросила взгляд в глазок — и замерла. Егор. Хорошо хоть голову успела помыть. Повернула замок и открыла. На пороге, с переноской в одной руке и пакетом в другой, стоял он — мой лучший друг. Из переноски на меня смотрел Феликс — слегка очумевший, но определённо довольный жизнью.

— Фелюша! — я взяла переноску у Егора и заглянула внутрь. Кот моргнул. — И тебе привет, Плесковский.

Егор Плесковский стоял на пороге с той самой полуулыбкой, которую я знала уже много лет. В пакете, который он держал, угадывались очертания бутылки; из кармана рубашки торчала связка каких-то бумаг, перетянутая резинкой.

Выглядел он, как всегда, небрежно: джинсы, рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, волосы цвета соломы чуть растрёпаны ветром. Тёплые каре-зелёные глаза смотрели на меня с привычной смесью иронии и заботы — будто он одновременно и поддразнивал, и готов был в любой момент прийти на помощь. Он был повыше меня — метр восемьдесят девять.

— Привет, Эль, — он шагнул в прихожую, наклонился и чмокнул меня в щёку. — Феликс передаёт тебе привет и сообщает, что операция прошла успешно. Он теперь самый спокойный кот во всей Ленобласти.

Он поставил пакет на тумбу и принялся разуваться, ловко избавляясь от ботинок одним движением.

— А Плесковским ты меня называешь только когда недовольна. Что на этот раз? Не предупредил?

Феликс в переноске мяукнул — видимо, тоже хотел внести свою лепту в разговор.

В свои двадцать девять он был блогером с широкой аудиторией, актёром озвучки, имел квартиру на Патриках — но популярность его совершенно не изменила.

Я поставила переноску и открыла её, осторожно вытаскивая моего котика.

— А чего сегодня? Я вас не ждала. Вроде же завтра. Или он домой просился?

Филя не стал терять времени даром: начал целовать меня и обнимать, параллельно ещё и подмурлыкивая, как бы рассказывая, где он был и что видел. Я подошла к Егору с котом на руках и забрала у него документы.

— Как он? Всё нормально?

Егор сбросил ботинки, повесил куртку на крючок — всегда на один и тот же, третий слева; я заметила это ещё года два назад — и прошёл на кухню, как к себе домой.

— Он просился, — сказал Егор, уже роясь в шкафу в поисках чашек. — Точнее, я так решил. Он вчера вечером сел у двери и начал орать. Не мяукать, не просить — именно орать. Таким голосом, будто я его тут морю голодом. Я понял: всё, парень восстановился, хочет к маме.

Он достал две кружки, покрутил в руках мою любимую — с надписью «BLACKPINK IN YOUR AREA» — и поставил её на стол.

— Операция прошла штатно. Врач сказал, Феликс — образцовый пациент. Даже не пытался никого убить, что для него нетипично, — он почесал кота за ухом. — Документы я привёз, выписку, рекомендации. Неделя — и будет как новенький.

Феликс на моих руках заурчал, как маленький трактор, и лизнул меня в подбородок.

— Спасибо, Егор, — сказала я очень тепло, убирая документы в шкаф, в отдельную папочку. Феликс спрыгнул и удовлетворённо чавкал у миски. Я вернулась на кухню, села за столик и посмотрела на Егора.

— А как твоя… эта… Карина? Не удивилась, когда ты припёр кота?

Он одним глотком отхлебнул чай и слегка поморщился — то ли от температуры, то ли от воспоминаний.

— Короче, мы расстались. Три недели назад. Она собрала вещи и уехала к маме. Сказала, что я слишком много времени уделяю чужим проблемам, — он хмыкнул, глядя в свою кружку. — Под чужими проблемами подразумевались, видимо, Феликс, Калипсо и… ты.

Он поднял взгляд, и в его глазах плясали искорки, которые появлялись, когда он был зол или расстроен, но пытался это скрыть за шуткой.

— Не переживай. Это не твоя вина. Просто она хочет семью и детей. А я… — он пожал плечами. — А я, видимо, пока не готов.

Девушки у Егора не задерживались дольше, чем на месяц. Одним не хватало внимания. Со вторыми он ссорился из-за меня. Я не винила их. Я бы тоже разозлилась, если бы была на их месте. Кому захочется «отношений втроём»?

Егор заглянул в мой холодильник и нахмурился. Торт. Должно быть, заметил.

— Это от… Яна и Майи, — поспешно объяснила я. — Она вернулась из Венеции, представляешь? Ну и… вот, привезли.

Воздух словно стал плотнее, и я могла поклясться, что от Егора прямо пышет жаром. Я прекрасно знала, что он ненавидит Яна. Да и всю семью Холодовых.

— Зачем? — холодно спросил он.

Я недоумённо посмотрела на него:

— Что значит «зачем»? Поздравить. Они… они же мне как… — слово «семья» застряло на языке, и вместо этого я сказала: — …не чужие.

Егор медленно закрыл дверцу холодильника и развернулся ко мне. Его лицо оставалось спокойным, но я слишком хорошо его знала — за этой маской скрывалась буря. Он был зол. Глухо, тяжело, как умеют злиться только те, кто привык себя сдерживать.

— Не чужие? — повторил он, и голос его прозвучал тихо, почти ласково. Но от этой ласковости у меня мурашки побежали по спине. — Эль, они — не чужие? После всего, что случилось? После того, как один брат тебя… — он осёкся, подбирая слово, — …использовал, а другой всё это время стоял рядом и ничего не делал?

Он шагнул ближе. Я почувствовала тот самый жар, о котором думала секунду назад, — словно между нами сгустился воздух, пропитанный невысказанной болью и обидой.

— После того, как ты лежала в больнице с переломанным ребром? Где же был этот Ян, когда Влад ставил тебя как ставку в покер?! Когда ты в слезах звонила мне и жаловалась, что он опять изменил?!

— Егор, я… — голос дрогнул, слова застряли в горле.

Всё это обрушилось на меня, как снежный ком с горы. Ноги вдруг перестали меня держать — казалось, ещё миг, и я просто рухну на пол.

В памяти вспыхнули картинки: Егор, примчавшийся среди ночи с пакетом еды и букетом пионов; его руки, помогавшие мне подняться после очередной ссоры с Владом; тот страшный вечер в казино, когда он буквально вытащил меня из лап лучшего друга.

Я сглотнула, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— Я… не знала, что они приедут. И если ты думаешь, что я что-то забыла… Нет. Я всё помню, поверь, Егор. Просто я не могу оторвать этот кусок из души, понимаешь? Если только с мясом.

Голос предательски задрожал, в глазах защипало.

— От меня… от меня после его смерти и так ничего не осталось! — слова вырывались сами собой, обжигая губы. — И я ненавижу его. Ненавижу за то, что он так меня отравил, что даже после его смерти я плачу и всё ещё храню его память. Но больше всего я ненавижу себя! За то, что мне приходится жить в этой белой тюрьме, которую купил его брат. Ненавижу, но и сделать ничего не могу — потому что, нет сил жить! Двигаться! А ещё не хватает смелости умереть. Я застряла в этом!

Слёзы покатились по щекам — я больше не могла сдерживаться.

— И у меня даже нет возможности ему всё это рассказать! Потому что он сдох! Я ничего… не могу! — я спрятала лицо в ладонях, плечи содрогались от рыданий.

Егор молчал. Долго. Так долго, что я уже решила — он ушёл. Просто развернулся и вышел, как делали многие до него.

Но когда я отняла руки от лица, он всё ещё стоял напротив. Его лицо было бледным, а в глазах — тех самых, каре-зелёных — стояло что-то, чего я никогда не видела. Моя боль, которую он зачем-то разделил со мной, принял на себя, будто это могло хоть немного облегчить мою ношу.

— Эви… — его голос прозвучал глухо, почти надломлено. — Прости. Я не должен был…

Он шагнул ближе. И просто сел рядом со мной на пол — прямо на холодный ламинат, не заботясь о том, что его дорогие джинсы будут в пыли. Он сидел рядом и молчал. И от этого молчания мне стало легче, чем от любых слов, утешений, банальных фраз вроде «всё пройдёт» или «время лечит».

Калипсо, почувствовав неладное, вышла из комнаты, потёрлась о мою ногу и улеглась рядом, словно охраняя нас. Феликс, всё ещё ошалевший после стресса, мирно спал в лежанке, изредка подрагивая лапой во сне.

— Знаешь, — сказал Егор очень тихо, глядя куда-то в стену перед собой, — ты можешь ненавидеть себя. Можешь ненавидеть его. Можешь злиться на меня — за то, что я давлю, за то, что напоминаю, за то, что всё это говорю. Но ты должна знать одну вещь. — Он повернул голову и посмотрел на меня прямо, без тени насмешки или снисхождения. — Ты не одна. Пока я жив — ты не одна.

Я обняла его. Несколько минут я просто плакала, моё тело содрогалось от рыданий, а он молча гладил меня по спине, словно говоря: «Я здесь. Я держу».

А потом я услышала его вопрос про психолога и замерла.

— Ч-чего? — растерянно спросила я, отстраняясь и шмыгая носом.

Егор чуть отстранился, заглянул мне в лицо и очень мягко, почти осторожно повторил:

— Я спросил: ты ходишь к психологу? К тому, которого я оплатил. Ты не пропускаешь сеансы?

Он помолчал, явно подбирая слова, и добавил:

— Я не к тому, что ты должна передо мной отчитываться. Просто… я помню, что три месяца назад ты говорила, что тебе лучше. А сегодня я вижу, что тебе не лучше. И я хочу понять: это просто плохой день, или ты перестала ходить?

Калипсо потёрлась о его локоть, и он машинально погладил её, не отрывая от меня взгляда — внимательного, заботливого, полного той самой поддержки, в которой я так отчаянно нуждалась.

— Это плохие семь лет, Егор, — я иронично усмехнулась.

Мне было очень тепло рядом с ним. В этот миг я чувствовала себя в безопасности — будто весь мир за пределами этой комнаты перестал существовать.

— М-м, а по поводу психолога… Егор, я благодарна тебе. Но я не хочу, чтобы в моих мозгах копались. Я вообще не хочу говорить об этом. Всё, что говорит мне психолог, — что мне в детстве недоставало любви, что я побежала к Владу, потому что он проявил ко мне минимальную любовь, — я и так знаю. Я вообще сомневаюсь в том, что люблю его на данный момент. Скорее, это сильное чувство обиды вперемешку с привязанностью.

Я отстранилась и посмотрела на Егора. Его светло-русые волосы с тёмным отливом упали на глаза — и мне вдруг безумно захотелось убрать их, но я остановила себя, так и не подняв руку.

— Прости меня, Егор. Ты потратил деньги, а я… — я стыдливо отвела взгляд. — Я не могу. Мне нужно самой понять, что происходит. Просто у меня такое ощущение, словно я смотрю на свою жизнь со стороны. Как будто это и не со мной происходит.

Егор покачал головой. Медленно. Устало. Но без осуждения.

— Ты не потратила мои деньги, Эль. Ты потратила возможность. Это разные вещи, — он вздохнул и откинулся спиной к стенке кухонного шкафа. — Я не буду тебя заставлять. Никогда не заставлял. Ты знаешь.

Он помолчал, глядя на свои руки — на пальцы с едва заметными мозолями от гитары, которую он давно не брал, на тонкие вены, проступающие под кожей.

— Просто иногда мне кажется, что ты сама себя заперла в этой квартире. И психолог — это не взломщик, который будет копаться в твоих мозгах. Это скорее… ключ. Который, ты пока не готова взять.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Его взгляд был тёплым, почти обжигающим в своей искренности, но в нём читалась тревога.

— То, что ты сейчас сказала — про жизнь со стороны… Это называется диссоциация. Я читал. Много. Потому что хотел понять, что с тобой происходит.

Диссоциация. Ну конечно. И Егор туда же. Все хотят меня просканировать и дать медицинское название тому, что у меня в голове. Вот только я-то имела в виду то, что у меня так всю жизнь. Сначала отец, которому я не нужна. Потом бабушка по линии отца, бравшая меня на выходные с её сектой «Свидетели Бога». Мне кажется, я как голодающий: только то, чего я так желала и, казалось бы, нашла, оказалось токсичным. И сейчас у меня просто интоксикация.

Я встала и на его попытку меня разобрать ничего не ответила — лишь протянула руку, помогая ему подняться. Теперь я смотрела на него снизу — одиннадцать сантиметров разницы — и, чуть запрокинув голову, тихо спросила:

— Ты останешься?

Егор взял мою руку, поднялся — легко, несмотря на свой рост, — и отряхнул невидимую пыль с джинсов. На мой вопрос он не ответил сразу. Вместо этого заглянул мне в глаза — тем самым долгим, изучающим взглядом. В нём читалось столько всего: забота, тревога, какая-то почти отцовская строгость и в то же время — бесконечное терпение.

— Останусь, — сказал он наконец, и в его голосе не было ни торжества, ни жалости. Только спокойная, уверенная готовность. — Если ты этого хочешь — останусь. Но при одном условии.

Он чуть наклонил голову, и прядь светло-русых волос снова упала ему на глаза — так по-домашнему, так знакомо.

— Ты поешь. Нормально. Не торт, не кофе. Я сейчас что-нибудь приготовлю.

В его словах не было приказа — только мягкая, непререкаемая забота. И в этот момент я вдруг осознала, что впервые за долгое время мне не нужно притворяться сильной. Можно просто быть — такой, какая я есть.

***

Мягкий свет солнца пробивался сквозь шторы, рисуя на полу неровные золотистые полосы. Я уловила аромат завтрака — кажется, блинчики? Почему-то пахло ещё и беконом, а поверх всего витал тонкий аромат свежесваренного кофе.

Я посмотрела в белый потолок с торчащей лампой без абажура. Когда я в последний раз просыпалась вот так — спокойно, без тревоги, без необходимости сразу хвататься за телефон или вспоминать, что ждёт меня сегодня? Не помню.

Егор что-то говорил Калипсо: судя по интонации, кошка пыталась стащить бекон, а он её стыдил, шутливо укоряя: «Ну-у, Калипсо, ну сколько можно? Это не для тебя, а для Эви». Потом что-то зашипело на сковороде, и запах стал совсем невыносимо соблазнительным — так, что желудок отозвался тихим урчанием.

Я встала, накинула халат, кое-как пригладила волосы и вышла на кухню.

Там царил организованный хаос — приятный, домашний, уютный. На столе уже стояли две тарелки с блинчиками, в вазочке мерцал янтарный мёд, на разделочной доске красовались нарезанные фрукты: сочные дольки апельсина, гроздь винограда, пара ломтиков киви. Егор, в моём дурацком фартуке с надписью «Хочешь жрать — умей готовить», сосредоточенно переворачивал лопаткой последнюю партию блинчиков. Его рукава были закатаны, а на щеке виднелось пятнышко муки — будто случайный штрих художника.

— Доброе утро, — сказал он, не оборачиваясь. —Выспалась?

Калипсо сидела на табурете с самым оскорблённым видом, поджав хвост и демонстративно отвернувшись. Видимо, бекон ей так и не достался.

— И тебе привет, — пробормотала я. — М-м, откуда это всё? Ты что, как тот гном из сказки?

Я подошла ближе и посмотрела на блинчики — со сгущёнкой. Мои любимые. Рядом стояла маленькая коробочка, перевязанная аккуратным бантиком.

— А это что? — я кивнула подбородком в сторону коробочки.

— Я, пока ты спала, сгонял в круглосуточный. Тут, недалеко, на соседней улице. Овощи, фрукты, бекон — всё, что нужно для завтрака. А гном из сказки, между прочим, был очень хозяйственным, — Егор поставил сковороду в раковину, в ванной вытер руки полотенцем и кивнул на коробочку. — А это — подарок. На день рождения. Запоздалый, но лучше поздно, чем никогда, правда?

Я перестала жевать и отложила нож с вилкой в сторону. Аккуратно вытерла рот салфеткой и посмотрела сначала на Егора — у самой в глазах читалось тихое «Ну и зачем?» — но потом всё же перевела взгляд на подарок.

Дрожащими пальцами я приподняла крышку. Внутри, на бархатной подушечке, лежал кулон: небольшой, изящный — серебряная цепочка с подвеской в виде полумесяца, внутри которого была заключена крошечная звезда. Просто, но невероятно красиво. На обратной стороне — гравировка: «*Ты моя луна*».

У меня перехватило дыхание. Я невольно улыбнулась — тепло, искренне, впервые за долгое время по-настоящему. Звёзды и луна.

— Ты… ты помнишь? — голос чуть дрогнул.

Егор перестал вытирать руки и взглянул на меня — и в этом взгляде было всё, что он не говорил словами: годы дружбы, в которых он замечал то, что другие пропускали мимо.

— Конечно, помню, — он чуть пожал плечами, словно это был самый очевидный факт в мире, о котором не стоило даже спрашивать. — Ты же у нас лунная девочка. Солнце и луна, вечное противостояние. Только ты всегда выбирала луну.

Он подошёл ближе, взял кулон из коробочки и расстегнул цепочку.

— Можно?

Я молча кивнула. Егор осторожно убрал мои волосы в сторону и застегнул цепочку на шее. Его пальцы едва касались кожи — тёплые, такие знакомые. В этот момент мир словно замер: запах блинчиков со сгущёнкой, тихое тиканье часов, мягкий свет утра. Я всегда любила луну, вечер, звёзды. Мне казалось, что в ней есть что-то волшебное, манящее.

Феликс, воспользовавшись тем, что на него никто не смотрел, всё-таки стащил кусочек бекона и гордо удрал под стол, волоча добычу за собой. Калипсо неодобрительно фыркнула ему вслед, но вставать с места не стала — видимо, решила, что гордость важнее.

Я коснулась кулона кончиками пальцев. Металл был прохладным, но от прикосновения к гравировке будто исходило тепло. Я обернулась к нему.

— Спасибо, это самый лучший подарок.

Ближе к обеду мы решили поехать на Финский залив. Он всё-таки уговорил меня прогуляться. Я старательно выбирала одежду из комода, перебирая вещи одну за другой.

— Как там на улице? Сто лет там не была. Холодно?

Егор выглянул в окно, оценивая обстановку.

— Для марта — просто курорт. Плюс три, солнце, птички поют. Но ты всё равно одевайся теплее — ветер с залива, мало ли заболеешь.

Но тут я осознала, что у меня и вещей-то своих толком нет. Только те, что покупали Холодовы. Теперь эта мысль почему-то странно колола — будто крошечная заноза под кожей. «**Надо выбросить**», — пришла внезапная мысль и тут же испугала меня. Она была чужой, не моей. Но язык сработал раньше, чем я успела подумать:

— Егор… Может, перенесём прогулку?

Егор, уже натягивавший куртку, замер. Он повернулся ко мне, и его взгляд стал внимательным — тем самым, которым он всегда сканировал меня, когда подозревал, что что-то не так.

— Перенесём? — переспросил он, не сводя с меня глаз. — Эль, что случилось? Ты только что была согласна.

Он подошёл ближе, заглянул в комод, который я так и не закрыла, и всё понял. Просто по моему лицу, по тому, как я сжала в руках кофту — одну из тех, что покупали Холодовы.

— Понял, — сказал он тихо. — Дело в вещах, да? В том, что они — оттуда. Из той жизни.

Он не стал развивать тему. Просто сел на край кровати и похлопал по одеялу рядом с собой.

— Тогда давай так. Мы никуда не пойдём. Будем сидеть дома, есть остатки блинчиков и смотреть какое-нибудь глупое кино. Или ты будешь писать, а я — читать. Идёт?

— Нет, — я покачала голову. — Я… я хочу выбросить… — но при слове «выбросить» где-то в районе сердца что-то сжалось, и я запнулась. Прагматик во мне взял верх. — Ну или… хотя бы продать. А на вырученные деньги я куплю себе другую одежду. Может, у тебя знакомые есть?

Егор посмотрел на меня долгим взглядом. Он не улыбался. Не шутил. Просто смотрел — и в его глазах я увидела не жалость, а что-то другое. Уважение? Гордость? Я не была уверена.

— Знакомые есть, — сказал он наконец. — У меня пол-Москвы знакомых, забыла? И половина из них перепродаёт брендовые вещи. Я могу всё организовать: фотографии, пло-

щадки, покупателей. Ты даже можешь не выходить из дома. Просто скажи, что ты готова продать, — и через неделю у тебя будут деньги.

Он чуть помедлил, а потом добавил:

— Но, Эль… Ты уверена? Это не просто шмотки. Это часть твоей жизни. Пусть тяжёлой, но твоей. Ты готова её отпустить?

Я увидела, как он смотрит на меня, — в его взгляде была готовность поддержать любой мой выбор.

— Да, Егор. Я уверена. Однако мне нужно что-то носить, пока вещей нет. Так что я продам не всё.

Конечно, я могла бы воспользоваться деньгами от акций, что передал мне Влад, — но это на крайний случай, мало ли что. А собственные заработки за три года модельной работы — я пахала без выходных — почти вышли: я тратила их на самое необходимое.

Егор кивнул, достал из кармана телефон и быстро пролистал какой-то список.

— Это разумно. Давай сделаем так: ты сейчас отберёшь то, что готова продать. А я пока позвоню знакомой — она как раз занимается перепродажей люкса. Приедет, отсмотрит, сделает фото. Остальное оставим.

— Спасибо, Егор.

Глава 4.

В следующие несколько часов мы разбирали мои вещи. У меня получилось три коробки с одеждой — аккуратно сложенные платья, блузки, джинсы, которые когда-то казались мне такими важными, а теперь будто потеряли смысл. Я убирала всё: фото, мелочи, любые напоминания о моих отношениях с Владом.

Я взяла фотографию, на которой мне семнадцать, — в синем платье, а рядом Влад, обнимающий меня за талию. Я помнила этот вечер: Новый год, благотворительный вечер, тридцатое декабря. В воздухе тогда витал запах мандаринов и шампанского, играла музыка, а я чувствовала себя такой счастливой… такой живой. Передо мной стояла ещё одна. Старая, выцветшая по краям, в простой рамке. Я подняла её и замерла.

Мне пятнадцать. Волосы распущены, чёлка падает на глаза. Я стою перед тортом с горящими свечами — уже собралась задуть, но застыла на мгновение. Рядом Майя, её рука на моём плече, улыбка до ушей. А за мной — Влад: он наклонился и целует меня в щёку. Взгляд у него мягкий, нежный, такой, каким я помню его до всего, что произошло потом.

Свет от свечей падает на лица, делает картинку тёплой, почти золотой. Кто-то кричит сбоку: «Да задувай уже!» — и я закрываю глаза, загадывая желание.

Я не помню, что загадала тогда. Но почему-то кажется, что оно сбылось. Наверное, поэтому и не помню.

Я провела ладонью по стеклу рамки.

— Я должна научиться жить без тебя, — прошептала я. — Хотя бы попытаться. Иначе я умру вместе с тобой. А я ещё не издала книгу. Я не могу продолжать жить с твоей тенью над собой.

Я закрыла глаза; невольная слеза покатилась по щеке. Кинула фото в коробку, закрыла её скотчем. Отнесла в прихожую.

— Это надо бы к маме отвести. Сможешь? Может, когда поедешь к своим?

Егор забрал у меня коробку — бережно, словно в ней было стекло, а не старые фотографии.

— Отвезу, — сказал он просто. — У меня как раз на следующей неделе поездка в ту сторону. Заодно маму твою проведаю. Расскажу, что ты ешь, спишь и вообще молодец.

Он поставил коробку у двери, к остальным, и повернулся ко мне. Феликс тёрся о его ногу, но он этого, кажется, даже не замечал.Я взяла кота и обняла его, прижавшись лицом.

— Когда твоя знакомая приедет за вещами?

Егор глянул на часы.

— Завтра. С утра. Я ей уже написал, она ответила — сможет к десяти, — он усмехнулся. — Когда-то я помог ей с переездом из Питера в Москву, а это, знаешь ли, тот ещё квест.

Феликс на моих руках заурчал, как маленький трактор. Видимо, его не волновали ни коробки, ни переезды, ни завтрашние гости.

— Она посмотрит, оценит, сделает фото. Если вещи в хорошем состоянии — а они в хорошем, — деньги могут перевести уже через пару дней. Пока за три коробки. Остальное — потом, когда будешь готова.

Он чуть помолчал и добавил уже мягче:

— Ты как? После всего этого?

— Нормально… Ты… ты ещё хочешь погулять со мной? Я оденусь сейчас.

Егор посмотрел на меня так, словно я спросила, хочет ли он дышать.

— Конечно, хочу, — сказал он. — Иди, собирайся. Я пока покормлю этих двоих. — Он кивнул на Феликса и Калипсо, которые уже крутились у своих мисок с самым голодным видом. — У тебя полчаса. И не забудь шапку.

Он направился к кошачьим мискам, но на полпути обернулся:

— И шарф. Я серьёзно.

Иногда мне кажется, что у меня не друг, а курица-наседка. Обращается со мной, как с маленькой, — с этой трогательной, но раздражающей заботой.

Через пару минут я стояла перед зеркалом, оценивая образ. Чёрные джинсы от YSL мягко облегали ноги, поверх — нежно-персиковая блузка с едва заметным шифоновым кружевом у манжет. Зимние ботинки на толстой подошве обещали тепло, даже если придётся лазить по обледенелым камням у залива. Сверху — белоснежный пуховик, застёгнутый до горла. Волосы я распустила — они легли мягкими волнами, обрамляя лицо. Меховые наушники уютно прикрыли уши, добавляя образу немного детской непосредственности.

Я вышла. Егор уже ждал у двери, в своей неизменной чёрной куртке — лаконичной, строгой, идеально сидящей. Он окинул меня взглядом — не тем, которым смотрят на женщину, а тем, которым проверяют, надела ли я шапку.

— Отлично выглядишь. Очень, — смущённо сказал он, и его уши покраснели.

Он открыл дверь, пропуская меня вперёд.

— Машину я вчера оставил у подъезда, так что идти недалеко. Залив, не залив — решим по ходу. Если замёрзнешь, сразу говори.

На лестничной клетке пахло чем-то жареным — видимо, соседи готовили ужин. Аромат чеснока и розмарина смешивался с запахом краски. Мы спустились вниз, во двор, где мартовский ветер, колючий и свежий, тут же напомнил, что весна ещё только намечается.

Мы вышли из подъезда новостройки, и я взглянула на улицу. Идеальная детская площадка с яркими горками и качелями. Наверху — камеры, словно недремлющее око. Прямо напротив моих окон — новая школа, сверкающая стеклянными фасадами. Всё такое аккуратное, продуманное до мелочей… и оттого ещё сильнее хотелось бежать. Я засунула одну руку в карман, а другой взяла Егора под локоть — так мне было гораздо комфортнее. В этом простом жесте было что-то, что согревало лучше любого пуховика.

— Я… думала, ты закуришь. Ты же курил. Или бросил?

Егор чуть заметно вздрогнул, когда я взяла его под локоть, — но не отстранился. Наоборот, чуть прижал руку к себе, чтобы мне было удобнее.

— Бросил. Три месяца назад. Ты не заметила, да? — он кривовато улыбнулся. — Карина говорила, что от меня пахнет, как от пепельницы. Я думал, она преувеличивает, но потом понял — нет. И бросил.

Он помолчал, глядя на детскую площадку. На ней покачивались пустые качели, будто кто-то только что спрыгнул с них и убежал.

— А ты у нас теперь внимательная. Раньше бы не спросила.

Ветер донёс со стороны школы чей-то детский смех — звонкий, беззаботный. Я поёжилась, и он тут же это заметил. Я хохотнула, пытаясь скрыть неловкость.

— Я с ней согласна. Ой, Егор, и не надо делать такое лицо. От тебя правда воняло. Ты, конечно, старался с фильтрами курить, но это всё равно был кошмар.

Мы подошли к его Audi A5 Sportback. Он открыл мне дверь, и я, потопав ногами, чтобы стряхнуть снег, села на переднее сиденье.

Егор фыркнул, обходя машину и садясь за руль.

— Вот так, значит? И ты молчала? — он театрально приложил руку к сердцу. — Я, значит, старался, фильтры эти дурацкие покупал, а ты терпела и ничего не говорила? Предательство, Эль. Чистой воды предательство.

Он завёл мотор. Салон наполнился теплом и знакомым запахом — смесью кожи, кофе и того самого парфюма, который я однажды унюхала на его шарфе. На зеркале заднего вида болтался маленький брелок в виде гитары. Я подарила ему лет восемь назад. Он слегка покачивался в такт вибрациям двигателя, словно готовясь сыграть тихую мелодию.

— Значит так, — сказал он, выруливая со двора. — Предлагаю начать нашу прогулку с какао. Тут недалеко открылась кофейня. Говорят, там делают самое вкусное какао в Мурино — густое, с корицей и крошечными маршмеллоу. А потом — к заливу.

Он покосился на меня, и в этом взгляде было что-то новое — лёгкость, которую я давно не видела.

— Если ты, конечно, не против?

Я улыбнулась, глядя в окно. Солнце пробивалось сквозь облака, золотя крыши домов. Впервые за долгое время мне казалось, что всё может быть нормально.

— Может, сначала к Финскому? А потом, когда замёрзнем, сходим в «Мак»? Ой, блин, в эту… как её… «Вкусно и точка». Там вкусный гляссе. Никак не привыкну.

Егор усмехнулся и покачал головой.

— Знаешь, я тоже всё время путаю. Какой-то рефлекс советского человека — говорить «Мак», хотя там уже сто лет как другое название. Ладно. Сначала к заливу, потом «Вкусно и точка». Идёт?

Он свернул на Приморское шоссе. Пейзаж за окном постепенно менялся: аккуратные дворы новостроек сменились старыми дачными участками с покосившимися заборами, за ними потянулись ряды высоких елей — ещё тёмных, почти чёрных на фоне бледного мартовского неба.

Вскоре впереди показалась серая гладь Финского залива — бескрайняя, угрюмая, но по-своему величественная. Мартовский лёд уже потемнел, покрылся трещинами и промоинами, но всё ещё держался у берега, напоминая гигантскую мозаику из разбитых зеркал. Вдалеке, на открытой воде, покачивались несколько рыбацких лодок — крохотные точки на фоне стальной глади.Чайки кружили над берегом и орали так, будто мы им что-то были должны. Одна особенно наглая птица опустилась прямо на ограждение у дороги, нахохлилась и уставилась на нас с видом вселенской обиды. Воздух был пронизан запахом соли и водорослей — едва уловимым, но отчётливым, тем самым запахом, который сразу выдаёт близость моря. Ветер гнал по небу низкие облака, то открывая, то пряча бледное солнце. Когда оно проглядывало, лёд вспыхивал сотнями искр, а вода становилась не просто серой, а переливалась всеми оттенками стали и свинца.

У самого берега виднелись остатки зимнего пейзажа: снежные сугробы, уже грязные и рыхлые, тёмные пятна прошлогодней травы, торчащие пучки камыша. На песке валялись обломки коряг, выброшенные приливом, — причудливые скульптуры, созданные природой.

— Кстати, — сказал Егор, притормаживая у обочины, — я рад, что ты выбралась.

Он заглушил мотор и повернулся ко мне. В салоне на мгновение стало тихо — только ветер шумел за окнами да доносились крики чаек.

— Ну что, идём?

— Да. Пошли.

Я вышла из машины. На заливе почти никого не было — только редкие пары, застывшие у воды, да одинокий велосипедист, который, согнувшись от ветра, упорно крутил педали вдоль набережной. Мы с Егором спустились к воде. Дул очень сильный ветер — он свистел в ушах, рвал волосы, пытался сорвать наушники. Но я не чувствовала холода: мы шли по берегу, и внутри разливалось какое-то странное, давно забытое тепло.

— Как твой канал? — спросила я.

Егор, засунув руки в карманы куртки, шёл чуть впереди, пиная мелкие камешки. Они с сухим стуком разлетались в стороны, катились по гальке и исчезали в полосе прибоя.

— Канал? — переспросил он, оборачиваясь через плечо. — Да нормально. Растёт потихоньку. Недавно перевалили за девятьсот тысяч подписчиков. Я, честно говоря, до сих пор не понимаю, как это работает. Вроде просто сидишь перед камерой, несёшь какую-то чушь про кино, а им нравится.

Он усмехнулся и покачал головой, глядя, как волна с шипением накатывает на берег и отступает, оставляя тонкую белую пену.

— Но знаешь, что самое странное? Когда я только начинал, я думал, что буду говорить про артхаус, про авторское кино, про глубокий смысл. А в итоге самый популярный мой стрим — это где я два часа орал на новый блокбастер и кидался попкорном в монитор. Вот и думай теперь, что людям нужно.

Ветер усилился — резкий, порывистый, с примесью соли и холода. Егор машинально сделал шаг в сторону, прикрывая меня от самого сильного порыва.

Я улыбнулась. Уж мне ли не знать, как на самом деле мой друг старался для своего YouTube-канала «Дьявол Live». Сколько всего он отдавал: как не спал ночами, монтируя видео; как переживал, когда отключили монетизацию; как несколько раз подумывал всё бросить, но всё равно возвращался — потому что не мог без этого.

— Им нужна искренность, — сказала я. — В нашем мире люди устали от эмоций по сценарию. А на том стриме ты был не в своём образе беса, а просто ты.

Егор замер на секунду, а потом медленно повернулся ко мне. Его волосы растрепались от ветра, капюшон куртки чуть не сорвало порывом, но он не обращал внимания.

— Знаешь… — он опять пихнул носком ботинка ни в чём не повинный камень. Тот отскочил, ударился о другой и покатился к воде. — Когда мы только начинали, я думал, что нужно быть идеальным. Идеальный фон, идеальный сценарий, идеальная картинка. А потом случился тот самый стрим — я был злой, уставший, не выспавшийся, и просто начал орать на этот дурацкий фильм. И знаешь что? Это был самый успешный эфир за всю историю канала.

— Да. Я знаю. Я на нём была. И потом ты мне звонил тогда и орал в трубку: «+1000 просмотров, Эляя!» Помнишь?

Егор расхохотался — громко, на весь пустынный берег. Его смех эхом отразился от воды и разлетелся по округе, спугнув стайку чаек. Птицы взметнулись в воздух с возмущёнными криками и закружили над нами.

— Помню! — он хлопнул себя по лбу. — Я просто орал от счастья, как придурок. У тебя тогда ещё телефон выпал из рук, и я слышал грохот.

Он всё ещё улыбался, но теперь в его улыбке было что-то тёплое, ностальгическое — будто он снова оказался там, в той комнате, где всё только начиналось.

— Ты тогда сказала: «Егор, если ты ещё раз так заорёшь в трубку, я лично приеду и откручу тебе голову». И я понял, что ты единственный человек, который может меня одновременно поздравить и пригрозить.

Ветер гнал по берегу обрывки сухой травы, мелкие ветки и клочки бумаги. Чайки всё так же орали над заливом, то опускаясь к воде, то взмывая вверх. Волны ритмично накатывали на берег, словно отсчитывая время.

— Ты была на том стриме. И на самом первом, помнишь? Когда я два часа запинался и забывал слова. И у меня было пятнадцать зрителей, и десять из них — мои родственники. Ты сидела в чате и писала: «Давай, Плесковский, ты сможешь». Я потом пересматривал запись — и твои сообщения были единственным, что меня держало.

Он повернулся ко мне, и на мгновение мне показалось, что вокруг больше никого нет — только мы вдвоём на этом ветреном берегу, а мир остановился, чтобы дать нам этот разговор.

— Ты всегда была рядом, Эви. Всегда. Даже когда я сам в себя не верил.

Я молча кивнула, чувствуя, как в груди что-то сжимается. Ветер трепал волосы, волны шумели, чайки кричали — а я вдруг отчётливо поняла, что именно такие моменты и делают жизнь настоящей.

— Да ну, ерунда. Мы же друзья. М-м, кстати, по поводу психолога… Ты можешь пока приостановить сессии? Не хочу, чтобы ты платил в пустоту.

Егор покачал головой с той самой улыбкой, за которой он обычно прятал раздражение или обиду.

— Во-первых, это не ерунда. Ты была единственным человеком, который верил в меня, когда я сам в себя не верил. Не обесценивай это. А во-вторых… — он на секунду замолчал, подбирая слова, — я не буду приостанавливать сессии. Даже если ты туда не придёшь ни разу, у тебя должна быть возможность. Понимаешь?

Он сделал паузу, провёл рукой по волосам, взъерошив их ещё сильнее, — ветер тут же подхватил пряди и бросил ему на лицо. Отвернулся к заливу, и я увидела, как он сжимает челюсти — жест, который всегда выдавал, что ему непросто даётся этот разговор. Волна с шумом разбилась о берег, будто подчёркивая серьёзность момента.

Что это с ним? У него как-то поменялось настроение. И вообще, он какой-то странный, как будто не разговаривает, а по лезвию ходит.

— Но… И что? Ты будешь просто так… — начала я, но, когда он посмотрел на меня — прямо, твёрдо, без привычной иронии, — я поняла, что лучше заткнуться.

— Ладно, ладно, — вздохнула я. — Если хочешь платить… Плати.

Я посмотрела на волну — она накатила ближе, почти доставая до наших ботинок. Морская вода брызнула на джинсы, и я поёжилась от холода, внезапно остро ощутив, как пробирает мартовский ветер.

— Егор? — позвала я чуть дрогнувшим голосом. — Я замёрзла. Пошли в кафе уже, дубак совсем.

Он моргнул, будто выходя из какого-то транса, и тут же его лицо смягчилось.

— Конечно. Пошли, — он подтолкнул меня к машине — мягко, но настойчиво, и я невольно сделала шаг вперёд.

— Садись, замёрзшая моя. Сейчас доедем, и я лично прослежу, чтобы ты выпила самый горячий кофе в твоей жизни.

Эта фраза смутила меня. «*Моя*» — было довольно странно. Раньше он не называл меня так. Я на мгновение замерла, пытаясь понять, что это значит: случайность, оговорка или что-то большее? В груди что-то дрогнуло, но я тут же отогнала эту мысль. Не время сейчас разбираться в оттенках слов.

В кармане пуховика зазвонил телефон. Я достала его — на экране высветилось: «Дядя Яни», рядом — глупый цветочек, который я поставила ещё в шутку пару лет назад. Я приняла звонок.

— Алло, да?

— Алло, Эвелин? Ты где? Я приехал, а тебя нет.

— Что?.. А, я гуляю. Что-то срочное?

В трубке повисла короткая пауза. Я представила, как Ян хмурится, потирает переносицу — он всегда так делал, когда был озадачен.

— Гуляешь? — голос Яна звучал озадаченно. — Ты? Гуляешь? На улице? Сама?.. Хотя какая разница. Да, срочное. Я отправил тебе деньги. На карту. И я хочу, чтобы ты их потратила.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он не дал:

— Нет, Эль, послушай. Я знаю, ты сейчас скажешь: «Я не возьму», «Ты и так много сделал» — и всё такое. Но это не обсуждается. Я вижу, как ты живёшь. Ты ешь доширак, ты не покупаешь себе ничего, кроме самого необходимого. И я не могу на это смотреть. Так что деньги — это не просьба. Они уже у тебя на счету. И я очень надеюсь, что ты купишь себе что-то, что тебя порадует. Хотя бы новые шторы. У тебя их вообще нет.

— Деньги?.. Зачем? И почему вдруг? И при чём тут приезд?..

В трубке послышался тяжёлый вздох — такой знакомый, полный усталости и какой-то старой, затаённой вины.

— Потому что я твой должник, Эль. Перед тобой и перед самим собой. За то, что не вмешался раньше. За то, что не уберёг. Деньги — это меньшее, что я могу сделать сейчас. И я знаю, что ты скажешь. Что ты не винишь меня. Что я ни при чём. Но это не так. Я мог. И не сделал. И я буду платить за это всю жизнь — в прямом и переносном смысле. Так что, пожалуйста, просто прими их. И потрать на себя. Это всё, о чём я прошу.

Я услышала, как где-то на заднем плане хлопнула дверь его машины — звук получился резким, почти болезненным.

— Я приехал, потому что хотел убедиться, что всё в порядке. Я так и не договорил вчера. Но раз ты гуляешь, значит, уже хорошо. Значит, жива.

Мне стало не по себе. Отчего-то бросило в жар, хотя ветер с залива по-прежнему пытался пробраться под одежду, ледяными пальцами забираясь под воротник. Мне вновь показалось, что меня покупают. Что я снова товар. Снова ставка. Мысли как-то сами собой унеслись прочь, и берег расплылся перед глазами, превращаясь в обои казино — тёмные, с витиеватым узором, от которого кружилась голова. Мир на мгновение потерял чёткость, звуки приглушились, а вместо криков чаек я услышала гул голосов, звон бокалов и стук фишек.

2016 год. Москва. Казино «Затмение».

Я сидела на кожаном коричневом диване — он был жёстким и холодным, несмотря на внешнюю роскошь. В руке — бокал с мохито без алкоголя; лёд в нём почти растаял. Я наблюдала за своим парнем. Влад сидел в окружении своих людей и играл в покер. В воздухе витал запах табака, виски и чего-то ещё — того самого запаха денег, власти и азарта, от которого у меня всегда сжималось сердце. Лампы над столом бросали желтоватый свет, подчёркивая блеск золотых запонок Влада и холодные глаза.

Он был в ударе — я видела это по его лицу, по тому, как небрежно он бросал фишки в банк, как усмехался уголком губ, когда выигрывал. Рядом с ним сидел Егор — тогда ещё просто знакомый, один из многих в этом душном, прокуренном зале. Они играли за одним столом.

Но уже через минут пятнадцать показалось, что кто-то смахнул удачу с семнадцатилетнего юноши. Влад проигрывал. Сначала деньги, потом свою долю в каком-то бизнесе, потом ещё что-то. Фишки таяли на глазах, а его улыбка становилась всё более натянутой. Он хмурился, нервно постукивал пальцами по столу, но продолжал играть.

И когда фишки закончились, он обвёл взглядом зал — медленно, оценивающе, — и остановился на мне. Жестом подозвал меня к себе. Я отложила напиток на столик и подошла. На каблуках было жутко неудобно — я не привыкла. Пол под ногами казался неровным, будто качался.

— Ты звал?.. — тихо спросила я.

Влад не ответил. Вместо этого он обвёл рукой пространство вокруг себя, словно представляя сцену.

— Господа, — произнёс он с той самой ленивой интонацией, которая всегда появлялась у него в самые опасные моменты. — Деньги кончились. Бизнес кончился. Но у меня есть кое-что ещё. Кое-что гораздо более ценное.

Он положил руку мне на талию и подтолкнул вперёд.

— Моя девушка. Эвелин. Ей пятнадцать. Девственница. Красивая, послушная, умеет держать спину. Хотите поставить на неё?

Зал замер. Я замерла. Кровь отлила от лица. Я смотрела на Влада, ожидая, что он сейчас рассмеётся и скажет, что это шутка. Но он не смеялся.

— Влад, — прошептала я, дёргая его за рукав, но он даже не посмотрел на меня.

Егор — тот самый, который тогда ещё не был моим другом, — отодвинул свой стул и встал.

— Ты серьёзно? — спросил он, и голос его прозвучал на удивление спокойно. — Ты сейчас поставил на кон живого человека?

— А что такое? — Влад развёл руками. — Это покер, Егорыч. Здесь ставят всё, что имеет цену. А она — самое дорогое, что у меня есть. Правда, Снежка?

Я не ответила. Я не могла. Просто стояла и смотрела на Егора. И он смотрел на меня.

Это шутка? Он шутит. Это просто не может быть правдой. Мне послышалось? Мой Владиша? Нет. Но глаза мне не врали. Я видела эти масляные рожи, которые хотели заполучить меня. Кто-то подмигнул, кто-то усмехнулся. Я закрыла глаза.

А когда открыла, в трубке снова прозвучал голос Яна.

— Эля?

— Да. Да, я слушаю. Мне не нужны деньги. Если хочешь, можешь заказать мне доставку продуктов домой. А деньги я отправлю обратно.

Ян на том конце провода хмыкнул — сухо, коротко, но без злости.

— Хорошо. Пусть будет доставка. Составишь список того, что тебе нужно. И с тебя — одно условие. Ты не споришь, если там окажется что-то сверх списка. Например, нормальный кофе, а не та бурда, которую ты пьёшь. Или что-то сладкое. Или фрукты, которые ты, как я подозреваю, не видела с прошлого лета.

Он сделал паузу. Я почти видела, как он смотрит куда-то вдаль, за окно машины, и думает о чём-то своём.

В трубке послышался звук заведённого мотора.

— Ладно, гуляй. Но вечером я тебе наберу.

Я нажала «отбой» и подняла глаза на Егора. Он стоял рядом, молча наблюдая за мной. В его взгляде читалось беспокойство. Ветер трепал его волосы, а солнце, наконец пробившееся сквозь тучи, подсветило его лицо золотистым отблеском.

— Всё в порядке? — тихо спросил он.

Я глубоко вздохнула, прогоняя образы казино. Холодный воздух обжёг лёгкие, помогая вернуться в реальность.

— Да, — выдохнула я. — Пойдём в кафе. Правда, очень хочется горячего кофе

Егор кивнул, открыл дверь машины и жестом пригласил меня сесть.

Глава 5.

Я сидела и ела свой «Гранд дэ люкс», запивая его кофе, и смотрела в окно. За стеклом медленно сгущались сумерки, фонари зажигались один за другим, отбрасывая жёлтые круги на мокрый асфальт. Егор был каким-то странным. Встревоженным? Злым? Я не могла прочесть его взгляд — он то становился острым, то снова туманился, будто он боролся с самим собой.

— Ты чего? — осторожно спросила я.

Он помолчал, покрутил стаканчик в пальцах — тот слегка скрипнул, оставляя влажный след на столе.

— Да так, — он помедлил. — Просто думаю о том, что ты сказала Яну. Про «не надо денег». — Он осёкся, подбирая слово. — Ты боишься. Что это снова будет иметь цену, да?

Я откусила бургер, но он вдруг показался безвкусным. Проглотила с трудом.

— В нашем мире всё имеет цену, Егор. Мир — огромный рынок. И у каждого есть цена. Просто у кого-то она выше, у кого-то ниже. Бескорыстно никто ничего делать не будет.

Егор поставил стаканчик на стол и посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах читалось что-то, чего я раньше не видела, — не раздражение, не усталость, а глубокая, почти физическая боль.

— Знаешь, Эль… — говорил он тихо, но каждое слово звучало отчётливо, будто высеченное из камня. — Это самая грустная вещь, которую я от тебя слышал за последние годы. — Он на секунду замолчал. — Ты правда думаешь, что весь мир — это рынок? Что у всего есть цена? Что никто ничего не делает просто так?

Он откинулся на спинку стула, провёл рукой по волосам — я заметила, что на висках уже проступила седина, которую он обычно скрывал под укладкой.

— Тогда как насчёт меня? У меня тоже есть цена? Сколько, по-твоему, я хочу за всё это? — он обвёл рукой пространство, но было понятно: он имеет в виду всё сразу — и этот столик у окна, и кофе, и психолога, и годы дружбы. — Как ты думаешь, какой у меня интерес? Чего я от тебя хочу?

Я сглотнула. Егор никогда не просил у меня ничего. Но я знала: счёт будет выставлен. Не сегодня, так завтра. Я перестала есть, положила бургер на тарелку, даже не доев.

— Егор… что… что ты конкретно имеешь в виду?

— То и имею в виду.

— Я… я не знаю.

— Нет, Эль. — Он подался вперёд, и его голос, обычно такой ровный, сорвался на хрип. — Ты знаешь. Ты всегда знала.

Он замолчал, будто пытаясь удержать слова, которые рвались наружу, но потом всё-таки продолжил — уже тише, спокойнее, и от этого ещё страшнее:

— Я девять лет рядом. Девять лет я смотрю, как ты пытаешься собрать себя по кускам. Я приезжаю к тебе в три ночи, когда ты звонишь и не можешь говорить — только плачешь в трубку. Я забираю твоего кота на кастрацию, потому что ты боишься остаться одна в ветклинике. Я покупаю тебе кофемашину, потому что ты сказала, что любишь кофе. Я оплачиваю психолога, потому что хочу, чтобы тебе стало легче. И ты думаешь, что я делаю всё это потому, что у меня есть какой-то расчёт, какой-то интерес, какая-то цена?

Он перегнулся через стол, и я увидела, что его пальцы, сжимающие стаканчик, побелели.

— Ты думаешь, что я, как все остальные? Что я тоже хочу тебя купить? Я просто хочу, чтобы ты посмотрела на меня и увидела, что я здесь. Как человек, который… — он осёкся. Потом выдохнул и закончил почти шёпотом: — …который любит тебя.

У меня в ушах зазвенело. Значит, это правда. Сердце колотилось где-то в горле. Мир на мгновение замер: за окном проехал автобус, за соседним столиком засмеялись подростки, а я всё смотрела на него, не в силах поверить.

— Егор… повтори… я не ослышалась?

Он усмехнулся — криво, горько, как человек, который сказал правду и не знает, что с ней делать.

— Ты не ослышалась. Я люблю тебя. Девять лет. С того вечера в казино, когда ты пила мохито, а я смотрел на тебя и думал: «Господи, что эта девочка делает с этим монстром?». Я ничего о тебе не знал. Только то, что ты красивая, что тебе пятнадцать и что ты смотришь на Влада так, будто он — единственный свет во вселенной.

Он отвернулся к окну, где зажигались фонари; их свет дробился в лужах на тысячи бликов.

— А потом была та игра. Когда он поставил тебя на кон, я подумал: «Вот он, шанс. Я выиграю — и она будет моя». Но ты даже не посмотрела на меня. Ты смотрела только на него. И тогда я понял: я хочу, чтобы ты сама когда-нибудь выбрала меня.

Он меня любит.

А я на секунду подумала, что он действительно со мной просто так. Что я ошиблась. Я подняла глаза на Егора, пытаясь разглядеть в его лице то, чего не замечала все эти годы.

— Любишь, значит. А говоришь, ничего не нужно. Выходит, нужно? Любовь, да? И поэтому у тебя ничего не выходит с другими девушками? — мой голос дрогнул, но я не отступила.

Вздох.

— А зачем тогда ты вообще вступал в отношения, если знал, что любишь меня? Зачем давал надежду, Егор? Это жестоко. Три девушки. Сначала Марина? Или Полина… не помню. Потом Анжела и вот Карина.

Егор молчал. Он сидел, опустив голову, и я видела, как он сжимает и разжимает пальцы — единственный признак того, что внутри у него всё кипит. Его плечи чуть подрагивали, будто он боролся с самим собой.

— Ты хочешь честный ответ? — спросил он наконец, и голос его прозвучал глухо, почти безжизненно. — Да, я вступал в отношения. С Мариной, с Анжелой, с Кариной. Я давал им надежду. Я врал им. И себе врал тоже.

Он поднял глаза — в них читалась такая боль, что мне стало не по себе.

— Я думал, что смогу. Что если я попробую с кем-то ещё, то однажды проснусь и пойму, что больше не люблю тебя. Что ты — просто привычка. Что это пройдёт. Но это не проходило. Каждый раз, когда у меня что-то начиналось с другой, я ловил себя на том, что сравниваю. Каждую. С тобой. И никто не выдерживал сравнения.

Сравнивал? Со мной? С девушкой на антидепрессантах? Нашёл с чем сравнивать… Мысль кольнула, но я тут же отогнала её — не время сейчас для самобичевания.

— Отвези меня, пожалуйста, домой. Там и поговорим, ладно? Не хочу, чтобы половина кафе знала, что происходит в моей жизни.

Егор молча кивнул и поднялся из-за стола. Он взял мою куртку, помог одеться, и в этом простом жесте было что-то такое привычное, такое родное, что у меня защипало в глазах. Его пальцы на мгновение задержались на моих плечах, будто он хотел что-то сказать, но передумал.

В машине мы ехали молча. Только дворники мерно скользили по лобовому стеклу — начал накрапывать мелкий мартовский дождь, капли стекали по стеклу, словно слёзы. Егор смотрел на дорогу, и его профиль в свете встречных фар казался высеченным из камня: резкие черты, напряжённая линия челюсти, взгляд, устремлённый вперёд, но будто видящий что-то своё, далёкое.

Я смотрела на его руки на руле — сильные, с выступающими венами — и вдруг осознала, сколько всего они сделали для меня за эти годы. Сколько раз эти руки подхватывали меня, когда я падала. Сколько раз согревали, когда я замерзала. Сколько раз просто были рядом, когда больше никого не было.

Когда мы подъехали к моему дому, он заглушил мотор, но не вышел. Просто сидел, глядя перед собой. Дождь усилился и барабанил по крыше, создавая странный, почти медитативный ритм.

Потом мы всё же поднялись в квартиру. Калипсо и Феликс, почуяв нас, тут же вышли в прихожую, но, кажется, поняли, что сейчас не до них, и деликатно удалились обратно в комнату.

Я сняла ботинки, прошла на кухню, включила чайник. Обернулась к Егору, который так и стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Его поза была расслабленной, но я видела напряжение в линии плеч, в том, как он чуть прикусил губу.

— Ты сказал, что сравнивал каждую со мной. И никто не выдерживал сравнения, — я устало потёрла переносицу, подбирая слова. — Егор, ты издеваешься? Сравнивать красивую, успешную Анжелу, у которой свой бизнес и два высших, с девушкой, которая сутками сидит в четырёх стенах и пьёт антидепрессанты? С безработной, которая живёт тем, что у неё осталось от прошлой жизни?

Он дёрнулся, словно хотел возразить, но я не дала:

— Ты сравнивал их с образом. С картинкой пятнадцатилетней девочки, которая пила мохито и была влюблена в своего абьюзера. Эта девочка умерла, Егор. Её больше нет. А я — вот она. И я не выдерживаю сравнения даже с собой прежней.

Я замолчала и пошла в комнату, снимая верхнюю кофту — чтобы хоть что-то делать, лишь бы не стоять столбом. Скинула её и стала педантично складывать, разглаживая каждую складку, будто от этого зависело что-то важное.

— И… знаешь, что хуже всего? Получается, я — мразь. Подруга, которая держала тебя во френдзоне. Ведь где-то глубоко внутри я знала, что ты любишь меня, но всё надеялась: может, если вот сейчас появится другая, ты меня забудешь. Нет. Не забыл.

Я повесила кофту на стул и повернулась к нему.

— Я не могу ответить на твои чувства. Ты для меня родной человек, да, но я не люблю тебя как мужчину.

Я наконец нашла в себе силы посмотреть ему в глаза. Они были тёмными, почти чёрными в полумраке комнаты, и в них читалась такая боль, что у меня защемило сердце.

Егор стоял, не двигаясь, в дверях комнаты. Он выслушал меня молча. Когда я замолчала, он просто кивнул — коротко, сухо.

— Я знаю, — сказал он. — Я всегда это знал.

Он провёл рукой по волосам, убирая их с лица, и я увидела, как дёрнулся уголок его губ — не усмешка, нет. Скорее, горькое признание собственного поражения.

— Ты не мразь, — продолжил он тихо. — Ты не держала меня во френдзоне, потому что френдзона — это когда человек специально манипулирует. А ты не манипулировала. Это я сам. Сам всё это придумал. Сам надеялся. Сам ждал. Это мой выбор, Эль. Не твой. Ты никогда ничего мне не обещала.

Он сделал шаг назад, в прихожую.

— Мне нужно время. Немного. Просто чтобы переварить. Я позвоню. Ладно?

И, не дожидаясь ответа, вышел. Я осталась стоять. Как идиотка. У меня не было мыслей — словно мозг вообще отключился.

А потом — его голос и снова открывающаяся дверь в прихожей:

— Э-э-э-эль, иди сюда!

Я побежала и, выйдя в прихожую, замерла.

— Нет… не может быть…

Егор стоял на пороге. У его ног, прямо на холодном бетоне лестничной клетки, стояла картонная коробка.

Из коробки доносился писк.

— Там котята, — сказал Егор, и голос его звучал странно — смесь растерянности и тревоги. — Совсем крошечные.

— Что? Котята?..

Я заглянула в коробку и увидела двух белых с коричневыми подпалинами котят. Голубые глаза. Чистые. Пронзительно красивые. Я опустилась на колени и увидела на дне его. Кулон. С сапфирами и высеченной в середине буквой…

— К-Клеопатра…

Егор смотрел на кулон, потом на котят, потом на меня. Его лицо было бледным, а в голосе, когда он наконец заговорил, звучала осторожность, с какой говорят о вещах необъяснимых — и оттого ещё более страшных.

— Это не совпадение. Не может быть совпадение. Твоя кошка пропала семь лет назад. За день до пожара. А теперь — вот. Её котята. И её кулон. У твоей двери.

Он помолчал, не отрывая взгляда от коробки. Котята пищали, тыкаясь слепыми мордочками в стенки, будто пытались пробиться сквозь ткань реальности к чему-то знакомому и тёплому.

— Кто-то знает, — продолжил Егор. — Кто-то знает о тебе, о Владе, о Клеопатре. Это… — он запнулся, подбирая слово, — это послание.

Холодный металл кулона жёг ладонь, хотя, казалось, должен был оставаться лишь безжизненно холодным. Я всё ещё сжимала его, будто он мог дать ответ или хотя бы намёк.

— Помоги мне затащить их домой, пожалуйста, — попросила я, вставая и шмыгая носом.

А что, если моя Клео жива? Может, это Ян? Хотя… зачем ему так делать? В голове роились тысячи вопросов; они сталкивались, путались, не давая сосредоточиться. Но одно я знала точно: это явно те же люди, что сняли ошейник с Клеопатры. А это значит, что я больше не в безопасности.

— Я не знаю, Егор. Давай пока не будем паниковать. Я позвоню Яну, ладно?

— Хорошо, — кивнул Егор и, бережно подхватив коробку, занёс её в квартиру. — Ты звони. А я пока устрою этих мелких.

Я нашла свой телефон на зарядке — видимо, поставила его туда на автомате, как только зашла домой. Набрала номер Яна: к счастью, он был последним входящим, так что искать не пришлось. Приложила телефон к уху.

— Алло, Ян? Ты занят?

— Эль? — голос Яна прозвучал удивлённо. — Нет, не занят. Что-то случилось?

На заднем плане было тихо — ни офисного шума, ни голосов. Видимо, он был дома.

— Я… я нашла под дверью коробку с котятами. От неё, — голос дрогнул, — от моей Клеопатрички. И… и её кулон.

В трубке повисла тишина. Долгая. Слишком долгая для Яна — человека, который всегда находил что сказать в любой ситуации.

— Котята? От Клеопатры? — его голос стал жёстким, таким, каким он говорил только в моменты, когда брал ситуацию под контроль. — Эль, слушай меня внимательно. Ты сейчас дома? С тобой кто-то есть?

— Да, я дома. Егор здесь.

— Это хорошо, что он с тобой. Никуда не выходи. Закрой дверь на замок. Я выезжаю. Буду у тебя через час, может, быстрее.

Он на секунду замолчал, и я услышала, как хлопнула дверь его машины.

— Всё будет хорошо. Мы разберёмся. Я обещаю.

— Хорошо. Жду.

Я нажала отбой и пошла к Егору.

— Ян сказал, что скоро будет.

Вокруг котят уже крутились Калипсо и Феликс. Одного я взяла за холку и почувствовала запах. Едва уловимый. Мирт. Шафран. У меня было тонкое обоняние. Я подумала о том, что запах странно знаком.

— Егор? Мне кажется… ну, у него был такой голос, будто я нашла не котят, а бомбу.

Егор, сидевший на корточках перед коробкой, поднял на меня глаза. Он не улыбался. Сейчас он был собранным, серьёзным, почти чужим.

— Ян правильно реагирует. Кто-то знает о тебе. О Клеопатре. О кулоне. Этот кто-то ждал семь лет, чтобы напомнить о себе.

Он встал, подошёл к двери и запер её на замок. Потом проверил окно в кухне. Потом — окно в комнате. Движения у него были чёткими, отработанными, будто он не раз проделывал это раньше.

Он вернулся ко мне и, поколебавшись, положил руку мне на плечо.

— Мы справимся. Слышишь? Мы справимся.

Глава 6.

— Я тебе ещё раз повторяю: там был только кулон и больше ничего, — в миллионный раз рассказывала я Яну.

Он ходил по комнате, отмеряя шаги широкими шагами. Движения у него были резкие, нервные — и, честно говоря, от этого нервничала уже и я.

— Ян, ты не мог бы сесть? У меня уже глаза болят, — пробурчал Егор, откинувшись на спинку кресла.

Я перевела взгляд с котят на Яна. Они мирно сопели в коробке, не подозревая, что из-за них всё вокруг снова рушится.

— Мне, я так понимаю, снова собираться? — тихо спросила я.

Ян повернулся ко мне. Лицо у него было серьёзное, почти жёсткое — таким я видела его редко.

— Котята пока поедут к твоей маме. И остальных кошек тоже заберём. Я лично их отвезу, объясню, что к чему. Ты же пока собираешь вещи. Только самое необходимое. Всё, что не влезет в сумку, оставляешь здесь. Квартиру я закрою.

Я уже хотела возразить, но он обратился к Егору:

— А ты… поедешь с ней.

— Нет, нет, подожди, Ян! Ты не можешь вот так просто приехать и всё решить! Куда ехать? — голос дрогнул, но я заставила себя говорить твёрже.

Он подошёл ближе и остановился прямо передо мной.

— Этот кулон был на Клеопатре в тот день, когда она пропала. Кто-то снял его с неё, хранил семь лет, а теперь подбросил тебе. Как ты думаешь, зачем? Чтобы поздравить с днём рождения?

Ян опустился передо мной на корточки — так, что наши глаза оказались на одном уровне. Взгляд у него был прямой, тяжёлый.

— Я понимаю. Но пока другого пути нет. Ты это делаешь, чтобы спасти себя.

— И что потом, Ян? Что ты от меня просишь? Снова пять лет прятаться? И где на этот раз? На Гаити? — в моём голосе зазвучала горечь, которую я больше не могла сдерживать.

Ян не ответил сразу. Он смотрел на меня и молчал. На скулах у него ходили желваки — верный признак того, что он сейчас скажет что-то, что ему самому не нравится.

Он не опустил взгляд. Только голос стал тише и жёстче одновременно:

— В США. Там у меня есть связи. Люди, которые смогут тебя принять. Ты пробудешь там столько, сколько потребуется. Может, месяц; может, полгода; может, год. Пока я здесь буду разбираться с тем, кто это сделал.

Он на секунду замолчал, потом добавил — с явным усилием, словно каждое слово давалось ему с трудом:

— С тобой поедет Егор. Поэтому я прошу вас обоих.

В комнате повисла тишина. Сопели котята, тикали часы на стене. Егор молчал, и по его лицу нельзя было понять ничего. Я сжала кулаки. Внутри боролись страх и упрямство. Что, если Ян прав? Что, если это единственный способ выжить?

Я посмотрела на Егора. Вот же что за день? И он не упирается даже? После всего, что было? Ему плевать? Или он отодвинул свои терзания в сторону? Многие бы сказали — тряпка. Но здесь это мужской поступок? Хотя откуда мне знать — у меня и мужчин-то нормальных не было. Пока я думала, Ян направился к двери, и я пошла за ним.

— Яни? Подожди.

Ян уже взялся за ручку двери, но остановился. Обернулся. Лицо суровое, но в глазах — та самая тревога, которую он так старательно прятал за командным тоном.

— Что, Эль? — спросил он, не торопя. Просто стоял, уже одной ногой за порогом, и смотрел на меня.

— Ты ведь не обязан это делать. Влад умер. Я больше не девушка брата. Ты не можешь вечно меня защищать. Но ты всё равно это делаешь. И говоришь, что ты «должник»… Что ты имеешь в виду?

Он повернулся ко мне всем корпусом — и в этом движении было что-то тяжёлое, почти похоронное.

— Ты хочешь знать, что я имею в виду? — переспросил он, и голос его прозвучал глухо, будто издалека. — Хорошо. Я скажу.

Он прислонился спиной к двери.

— Ты помнишь тот вечер в казино? Когда он поставил тебя на кон? Я был там. Я сидел в VIP-зоне. Я видел, что он делает. И я ничего не сделал. Я сказал себе: «Он мой брат. Она — его девушка. Это их отношения. Я не должен вмешиваться».

Он поднял на меня глаза — тяжёлые, покрасневшие, как будто не спал несколько ночей.

— Когда он ударил тебя в первый раз, я знал. Ты прятала их под рукавами, но я видел. Я сказал себе: «Она взрослая девочка. Она сама разберётся».

— Значит… значит… сейчас ты просто откупаешь вину? — мой голос дрогнул.

— Да, — Ян выдохнул это слово как приговор. — Да, Эль. Я откупаю вину. Перед тобой. Перед самим собой. Перед всем, что было и чего не было. Я знаю, что никакие деньги, никакие поездки, никакие квартиры этого не исправят. Но я хотя бы могу попытаться. Я не смог защитить тебя тогда. Я не смог защитить брата. Но я хотя бы могу сделать что-то. И я сделаю. Даже если ты никогда меня не простишь.

Ну да, конечно. Как будто у меня есть хоть какой-то вариант спастись самой. Он прекрасно знает, что я попала на их крючок. Выбора нет. Забота, от которой не сбежать.

Откуда эта мысль? Снова какая-то ерунда в голове.

— Хорошо. Я поняла. А сейчас ты куда?

Ян усмехнулся — едва заметно, уголком губ. Я знала эту усмешку. Она появлялась всегда, когда он понимал, что я согласна, но недовольна. И что он готов это принять.

— Машину греть. Я отвезу котов к твоей матери, а завтра с утра заеду за тобой. К десяти будь готова.

Дверь за ним закрылась.

****

Я собирала вещи — то, что осталось. Девушка, которая должна была приехать завтра, приехала сегодня и забрала всё, так что деньги уже лежали на моей карте.

Я сидела на кровати перед наполовину пустым комодом. Калипсо и Феликс уже уехали с Яном, и в квартире стало непривычно, оглушительно тихо. Егор возился на кухне — кажется, заваривал чай. Через несколько минут он появился в дверях комнаты с двумя кружками. Одну протянул мне, вторую обхватил ладонями, грея пальцы.

— Деньги пришли на карту? — спросил он буднично, но я понимала: этот вопрос — просто повод начать разговор.

Я кивнула. Сделала глоток. Чай был горячим и сладким — он снова добавил сахар, хотя я его не просила.

— О чём думаешь? — спросил он, опускаясь на край кровати рядом с раскрытым чемоданом.

Я пожала плечами. Мыслей было слишком много, чтобы выговорить их вслух. Вместо ответа я спросила:

— Ты правда поедешь со мной? В США? После всего, что я тебе сказала? Почему ты так поступаешь с собой?

Егор долго смотрел в свою кружку, словно на дне её был какой-то ответ. Потом поднял глаза — уставшие, красные, но спокойные.

— Потому что я тебя люблю, Эль. И это не пройдёт. Не через месяц, не через год и не через десять лет, поняла? Я не разлюблю тебя, даже если ты выйдешь замуж за другого, уедешь на край света или вообще никогда больше мне не ответишь. Это моё чувство — оно здесь, — он приложил ладонь к груди, — и оно никуда не денется. Я не могу вырезать его, как аппендикс.

Он помолчал.

— Что я делаю? Я занимаюсь своей работой, общаюсь с людьми, иногда встречаюсь с девушками — и каждый раз убеждаюсь, что всё это не то, что мне нужно. Но я продолжаю. Потому что жизнь продолжается, Эль. Даже когда кажется, что всё кончено.

Потом всё-таки повернулся ко мне:

— Но я благодарен тебе за честность, правда. Я не злюсь на тебя — я злюсь на обстоятельства и на себя. И да — я поеду с тобой в США. Потому что там, возможно, будет опасно, и я хочу быть рядом. Я обещал себе, что больше никогда не оставлю тебя одну, и я это обещание сдержу. Даже если ты сама этого не хочешь.

Утром, как и обещал, приехал Ян. Я наблюдала, как мою сумку выносят. Сама осталась в квартире — мне нужно было несколько минут.

Я снова уезжаю. на Четыре года на Чеджу. Пряталась от СК и Rose Gold. А что, если и сейчас это были они?

Перед глазами пронеслось, как я покидала родной дом.

2015 год. Ноябрь. Подмосковье, Раменское.

Я судорожно запихивала всё в рюкзак. Влад тащил мои документы, паспорт.

— А мама?.. Что будет, если она узнает, что я ушла из дома? Как ты это решишь?

—Я уже всё решил. Заявление в полицию писать не будет — с ней поговорили. В розыск тебя не подадут. А если вдруг кто-то из школы заинтересуется — ты переведёшься на домашнее обучение. Документы уже готовы.

Он повернулся ко мне, и я увидела в его тёмных глазах из-под чёлки что-то странное. Не триумф. Не радость. Скорее, удовлетворение загнавшего добычу хищника.

«Как романтично. Он любит меня. По-настоящему любит. Я нужна ему», — подумала я тогда и прижалась к нему, обняла крепче.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

Я тряхнула головой и отогнала воспоминания. Какая дура. Романтика. Смешно. Он просто взял меня как куклу. А я продолжала ныть о любви. Потому что так отчаянно хотела, чтобы

меня любили. И вот к чему это привело. Снежка. Он называл меня так из-за бледной, почти белой кожи. И ещё потому, что я любила «Белоснежку и семь гномов».

— *Прощай, Мурино* .

Я постояла ещё минуту, глядя на пустые стены: выцветший прямоугольник там, где раньше висел плакат с Лисой; царапина на ламинате, которую оставил Феликс, когда впервые попытался затормозить на повороте; окно, за которым была школа, детская площадка, новостройки — весь этот идеальный, чужой пейзаж. Я закрыла дверь. Ключ оставила под ковриком — как велел Ян.

****

Серые тучи низко нависали над шоссе. Я смотрела на трассу через окно «Ауди» Егора — сидела на заднем сиденье, прислонившись лбом к прохладному стеклу. В салоне пахло кожей обивки, слабым древесным одеколоном Егора и едва уловимым кофе из термокружки, оставшейся на подлокотнике. Где-то вдалеке громыхнуло — похоже, начиналась гроза.

Мы ехали в Пулково. Билеты были не нужны — частный самолёт. Виза. Всё уже было готово. Снова это странное ощущение — будто мир стал прозрачным, а я скольжу по его поверхности, не оставляя следа. Между нами с Егором висела неловкая пауза — тяжёлая, как влажный туман за окном. За стеклом мелькали деревья, их силуэты сливались в тёмную полосу. Он ехал со мной, и мне хотелось закричать: «Ты должен жить своей жизнью и не привязываться ко мне!» Но я молчала — он уже всё сказал.

Мне хотелось в туалет. Пришли месячные — с привычной ноющей болью внизу живота и дискомфортом, который никак не получалось игнорировать. Так что, едва мы зашли в аэропорт, я поспешила туда.

В просторном туалете с мраморными стенами пахло дезинфектором, цитрусовым освежителем воздуха и чем-то ещё — едва заметным, металлическим, будто от старых труб. Гул аэропорта доносился сюда приглушённо, словно сквозь толщу воды. Две девушки уже закончили свои дела и ушли, оставив шлейф сладких духов — ваниль с бергамотом. Где-то капала вода из неисправного крана — кап… кап… кап…

Я вышла из кабинки, встала у раковины и включила воду. Скрипнула дверь. Не придав этому значения, я намылила руки лавандовым мылом и подняла взгляд к зеркалу.

И замерла.

Что?

Сердце пропустило удар. Дыхание перехватило. Медленно обернулась — и увидела его. Тот же силуэт, те же черты, тот же холодный взгляд, который я так надеялась больше никогда не встретить.

— Ты?! — вырвалось у меня. Голос прозвучал хрипло, будто чужой. — Как… ты…

Он стоял в дверях туалета и усмехался, склонив голову набок.

Я узнала его сразу: Его волосы были похожи на хаос из светлого золота и темного пепла — короткие на висках и непослушные сверху. Но эта небрежность была обманчивой. В каждом его движении сквозила грация хищника. Когда он поднял на меня взгляд, я забыла, как дышать. Голубые глаза, обрамленные густыми, словно нарисованными углем бровями, смотрели в самую душу. В них не было ни капли тепла — только лед и сталь. С высокими скулами и точеным профилем он походил на статую греческого бога, которую кто-то оживил, но забыл вложить в нее человеческое сердце». — Я вспомнила эти глаза те самые, которые я видела в шестнадцать, когда впервые встретила его. С Владом они уже тогда были на ножах, но я особо не вникала. Зато я прекрасно видела, как он смотрел на меня.

— По-прежнему смотришь на меня как пёс на кость, — вырвалось у меня.

Что это такое? Это я только что сказала? Да что со мной происходит?

Дан не улыбнулся. Он шагнул ближе — плавно, почти бесшумно. От него пахло,миртом, шафраном, чем-то знакомым — Lacoste.

Стоп. Не нюхай его. Эля, сосредоточься.

— А ты всё так же остра на язык, — его голос прозвучал низко, с лёгкой хрипотцой. — Это хорошо. Значит, не сломалась.

Он подошёл ближе. Слишком близко.

— А ты не изменилась.

Пауза.

— Дерзкая. Как и восемь лет назад. — Он сделал ещё шаг, но не коснулся меня. — Думала, я не узнаю? Думала, спрячешься в Мурино со своим паршивым блогером-щенком — и всё забудется? — Кривая усмешка исказила его губы. — Зачем ты убежала тогда? Я же предлагал остаться. У тебя было бы всё. А ты выбрала… что? Нищету?

Он покачал головой.

— Глупая.

— А, я смотрю, это задело твоё мужское эго, Дан? — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить твёрже.

Дан усмехнулся — но в этой усмешке не было веселья. Только холод.

— Задето? — переспросил он, и голос его стал тише, опаснее. — Нет, Эвелин. Заинтриговало.

Он медленно обошёл меня кругом, разглядывая, изучая. Его взгляд на моей спине был тяжёлым.

— Все эти годы я наблюдал. Ждал. Смотрел, как ты прячешься на Чеджу, как хоронишь себя в Мурино, как пытаешься забыть. Ты думала, что Rose Gold оставили тебя в покое? Нет. Я дал тебе время. Восемь лет. А теперь… время вышло.

Он остановился напротив меня. Тень легла на мраморный пол.

— Ты знаешь, зачем я здесь. И знаешь, что я хочу. Так что давай без игр. Ты поедешь со мной. Добровольно. Или… — он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, почти звериное. — Или я заставлю.

Я хотела ответить, но не успела. Чьи-то руки — не Дана, чужие — сомкнулись на моих плечах сзади. Резкая, обжигающая боль в шее. Укол. Холод растёкся по венам, и мир поплыл, распался на фрагменты, как разбитое зеркало.

Последнее, что я видела, — лицо Дана. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах было холодное, деловое удовлетворение.

Темнота навалилась не сразу. Сначала звуки стали глухими, будто я уходила под воду. Краски поблекли. Я попыталась позвать Егора, но губы не слушались. А потом — провал. Пустота. Ни сна, ни яви. Только отдалённый, словно сквозь вату, голос Дана: «Отдохни, красавица».

Глава 7.

Тело ломило, будто меня протащили по асфальту. Во рту стоял странный привкус — металлический, с горчинкой, как будто я проглотила монету и лимонную корку одновременно.

Потолок был расписан под рококо: завитки, позолота, ангелочки с лукавыми улыбками. Темно. Я огляделась: ни окон, ни признаков естественного света. Комната словно вырвалась из XVIII века и застряла в каком-то подземелье. Меня похитили. За годы жизни с Владом меня похищали дважды, но это место было почти люксом по сравнению с прошлыми разами.

Кровать под спиной оказалась мягкой, с шёлковым покрывалом. Успокаивало одно — меня не раздевали и не трогали. Хотя и в этом я не могла быть уверена.

Что случилось? Я ничего не помнила. Как я могла списать персонажа Рамиэля с Дана? Совсем забыла, какой он козёл. Надо понять, где я и как выбраться. Но окон нет… только дверь.

Жажда стала невыносимой, язык прилип к нёбу. Я встала и пошатнулась.

— Ох… — но устояла и заколотила в дверь. — Эй! Это не слишком гостеприимно! Ну хоть воды дайте, что ли!

Ещё удар. И ещё. Звук выходил глухим — будто дверь обита чем-то мягким с той стороны. Может, там вообще никого нет? Когда я собралась кричать снова, засов на той стороне открылся, и внутрь вошёл огромный бугай.

— Ой… — вырвалось у меня.

Здоровяк хмыкнул и скрестил руки на груди — мышцы буграми вздулись под чёрной футболкой. От него пахло потом и дешёвым дезодорантом.

— Очнулась, значит. Быстро. Обычно после этой дряни часа четыре лежат, — голос у него был низкий, грубый, без всяких эмоций.

Он окинул меня взглядом — не похотливым, а будничным, словно оценивал не женщину, а габариты груза, который надо перевезти из точки А в точку Б.

— Воду принесут позже. Еду тоже. В углу дверь — там ванная. Не советую ломать мебель и бить зеркала: хозяйское добро, — он говорил отрывисто, по-деловому, будто зачитывал правила проживания в отеле.

Он развернулся уходить, но в последний момент обернулся через плечо:

— И ещё. Господин велел передать: добро пожаловать. Он спустится через час.

Дверь захлопнулась с глухим стуком. Я осталась одна в этой золотой клетке. Сердце забилось чаще. Час. У меня есть час, чтобы придумать, как выбраться, или хотя бы понять, что задумал Дан.

Что делать? Окон нет. Дверь железная. В туалет не отпроситься — туалет уже есть. Блядь. Блядь. Телефон! Он был в кармане. Я ощупала задний карман джинсов — пусто. Значит, забрали.

Я стала осматривать стены в поисках хоть какой-то тайной двери. Провела пальцами по резным панелям — гладкая древесина, ни намёка на щель или рычаг. Постучала костяшками — глухо, монолитно. Ничего. А вот камера есть. Следит. Кто бы сомневался.

Осматривая всё подряд, я заметила вентиляцию — узкий проём у самого пола, прикрытый решёткой. Слишком маленький, чтобы пролезть, но… Сначала надо отрубить камеру. Как? Табурета нет. Хм… Тумбочка. Она массивная, с мраморной столешницей — метнуть в камеру, и должно получиться. Но чем открыть решётку?

Только я собралась привести план в действие, как засов заскрежетал и пополз в сторону. Я мгновенно села на кровать и постаралась выглядеть как можно беззаботнее.

Дверь открылась. На пороге стоял Дан. Теперь, при свете — пусть и тусклом, от спрятанных за карнизом ламп, — я могла рассмотреть его получше. Белая рубашка расстёгнута на одну пуговицу, рукава закатаны до локтей, видны сильные предплечья с выступающими венами. В руках — бутылка воды и стакан.

Он поставил их на тумбочку — ту самую, которую я только что мысленно превратила в таран.

— Вода. Как ты просила. Пей.

— Сначала ты, — я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка не вышла вызывающей. — Прости, меры предосторожности после того, как ты мило отправил меня спать.

Дан усмехнулся — коротко, без веселья. Налил воду в стакан, сделал глоток. Поставил обратно.

— Теперь довольна?

Он опустился в кресло напротив меня — откуда оно взялось, я не заметила. Может, стояло здесь всегда. В этой комнате всё казалось ненастоящим, будто декорация, которую собрали наспех.

— Я понимаю, ты злишься. Но поверь: если бы я хотел причинить тебе вред, я бы сделал это раньше. Гораздо раньше. Ты была беззащитна на Чеджу. Ты была беззащитна в Мурино. Но ты жива. И ты здесь. В безопасности. Пока.

Он откинулся на спинку кресла, скрестил ноги.

— Остальное зависит от тебя.

В комнате повисла тишина. Я смотрела на стакан, на капли, стекающие по стеклу. В голове крутились вопросы: зачем он меня сюда привёз? Почему именно сейчас? Что значит это «остальное зависит от тебя»? И зачем он ждал восемь лет, если всё это время знал, где я?

— В безопасности? — переспросила я, поднимая взгляд. — Ты называешь это безопасностью? Комната без окон, охрана за дверью, камера в углу… Это скорее гробница какая-то.

Всё-таки взяла воду. Не могу — хочу пить. Отпила немного: вода была прохладной, чистой, с лёгким металлическим привкусом, будто из горного источника.

Дан смотрел на меня, как тогда,восемь лет назад, когда я впервые увидела его рядом с Владом. Вроде бы ничего не изменилось: та же холодная, аристократичная красота, тот же низкий голос с едва заметной хрипотцой. Но в то же время изменилось всё. Он больше не казался мне четырнадцатилетним мальчишкой из прошлого. Скорее я пыталась понять, что ему нужно.

— Гробница… — повторил он задумчиво. — Ну почему же гробница? Обычная комната. Просто без лишних деталей, которые могли бы тебя отвлекать.

Он чуть склонил голову — в глазах мелькнула усмешка.

— Помнишь клуб «Платина»? — спросил он негромко, и от этого будничного тона у меня похолодели пальцы. — Тебе было шестнадцать. Ты сидела на подлокотнике кресла рядом с Владом. Тогда я впервые увидел тебя. Совсем девочка. Я подумал: может, сестра? Но когда он положил руку тебе на колени, я понял — нет. Не сестра.

Я слушала. Перед глазами всплыл тот вечер: тусклый свет неоновых огней, запах сигарет и алкоголя, музыка, от которой вибрировали стены. Я была в коротком чёрном платье, купленном на первые заработанные деньги от моделинга, и чувствовала себя взрослой.

— Да, я помню, — тихо сказала я. — Твой отец, Роман — кажется, его так звали — вёл переговоры с Владом о…

— О партнёрстве, — перебил меня Дан. — Мой отец предлагал Владу объединиться. Rose Gold и бизнес Влада — это была бы империя. Но твой Влад отказался. Знаешь, почему?

По спине пробежал холод.

— Потому что… Влад был слишком горд и… он считал, что сможет обрушить ваши акции.

Дан кивнул.

— Он высказал моему отцу, — продолжил он, и в голосе зазвенел металл, — что никогда не станет партнёром с теми, кто пытается объехать его на кривой. А потом, когда отец попытался его переубедить, он сказал кое-что ещё.

Он замолчал, глядя на меня. В комнате снова повисла тишина.

— Он сказал: «Если твой ещё раз посмотрит на мою девушку, я лично вырву ему глаза и скормлю тебе».

Кровь прилила к щекам. Я помнила тот вечер. Смутно, как сквозь туман.

— Я не… я не помню, чтобы ты смотрел на меня тогда.

— А я на тебя смотрел, — усмехнулся Дан. — И смотрел на Влада. И видел, как он дрожит над тобой. Как кладёт руку на твоё колено, демонстрируя всем присутствующим: «Моё. Не трогать». И тогда я понял: у Влада есть слабость. И эта слабость — ты.

Он откинулся в кресле, сложил пальцы в замок. Свет от лампы упал на его лицо, подчеркнув резкие черты, тени под скулами.

— Прошло семь лет. Влада больше нет. И я всё ещё помню тот вечер.

— И что?.. Ты решил ему отомстить? Что-то ты поздно спохватился, не кажется? — я скрестила руки на груди, стараясь не показывать, как дрожат пальцы.

Если он убьёт меня — хорошо. Может, я выйду из этой клетки, что зовётся миром.

— Что ты хочешь от меня?

Дан рассмеялся — коротко, резко, без веселья. Шагнул ко мне и протянул руку к моему подбородку.

Нет. Не позволю больше себя трогать. В аэропорту я протупила, но это больше не повторится!

И я… укусила Дана за палец. Резко, со всей оставшейся силой.

— Не трогай меня!

Дан одёрнул руку. На его лице мелькнуло удивление — искреннее, почти мальчишеское. Он посмотрел на ладонь, потом на меня.

— Ты укусила меня, — произнёс он медленно, словно пробуя слова на вкус. — Укусила.

Он не разозлился. В глазах загорелся странный, нездоровый интерес — как у учёного, увидевшего неожиданную реакцию. Он достал из кармана платок, неспешно промокнул палец и убрал платок обратно.

— Я тебя недооценивал. А ты, оказывается, кусаешься. Это очень хорошо.

Он вернулся в кресло, но смотрел уже иначе. С большим уважением? Или с большим любопытством? Во взгляде читалось: «Наконец-то ты показала, кто ты на самом деле». Он чуть подался вперёд — и на этот раз взгляд был предельно сосредоточенным. Ни тени насмешки, ни намёка на игру.

— Ты знаешь, что такое EDM-7, или проще — «Кристалл»? Наркотик, который создал Влад. Ты ведь была рядом с ним. Ты должна знать формулу. И ты расскажешь мне её. По-хорошему или по-плохому. Выбирать тебе.

Кристалл. Так вот что нужно этому психу. Наркотик, который создал Влад для элиты. Дурь, дарившая ощущение рая. Блаженство. Полное, абсолютное счастье. Человек чувствует себя любимым, желанным, всемогущим. На несколько часов он попадает в свой личный «рай» — без боли, страха и сожалений. Поэтому наркотик и ценили среди элиты: они покупали не кайф, а иллюзию рая. Память унесла меня в прошлое.

8 мая 2016 года. Хамовники .

Влад на секунду замер. Потом губы тронула лёгкая, довольная ухмылка. Он не ответил сразу — слушал, как я произношу название, будто пробовал его на вкус вместе со мной.

— Crystal, — повторил он низко, растягивая слово. — Чисто. Коротко. Дорого. Мне нравится. Есть в этом что-то ледяное. Под стать тебе.

Он притормозил на светофоре, посмотрел на меня уже с интересом, а не с напряжением. Разговор о деле действовал на него лучше любых оправданий.

— Если будет «Crystal» — нужен визуал. Не просто толкать в клубах, а подавать как элиту. — Он тронулся. — У меня есть точка в Хамовниках. Можно сделать закрытые вечера. Никакой рекламы. Только свои. Ты, кстати, могла бы вести это как хозяйка. Если захочешь.

Он говорил серьёзно, без снисхождения. Я чувствовала: он не просто позволял мне играть во взрослые игры — он втягивал меня в свой мир, как в ледяную воду. Постепенно. Неотвратимо. Ему нравилось, когда я что-то планировала. Ему нравилось говорить со мной об этом.

— И… раз это для элиты, — продолжила я, — вместо порошка можно использовать маленькие кристаллы. Под язык, как леденцы — для продления эффекта. Или растворять в шампанском. Это эстетично. И следов не остаётся.

Он повернулся ко мне. Взгляд — тёплый, внимательный, с той самой искрой, от которой у меня каждый раз что-то проваливалось в животе. «*Я женюсь на ней*» — примерно так этот взгляд звучал.

— Пункция сегодня, — сказал он, и голос снова стал деловым. — После неё — в клинику. Мать хочет, чтобы ты поела. И чтобы я не мучил тебя по пустякам. — Бросил короткий взгляд. — Скажешь, если будет плохо. Сразу. Не геройствуй. Это не твоя война. Пока.

Он накрыл мою ладонь своей, переплёл пальцы. Впереди — подземный паркинг, тихий, полупустой, с холодным светом ламп.

— Ч… что? Я?? Правда, Владиша? — я аж подскочила на сиденье. — Ты не шутишь?

Я переплела пальцы в ответ, сжала его руку чуть крепче. Он сказал про квартиру — второй сюрприз за вечер, поверх первого, — и я не выдержала: обняла его прямо за рулём, прижалась щекой к его щеке. Он усмехнулся, но не отстранился. Руль остался в одной руке. Вторая — моя.

Воспоминание рассеялось.

Кристаллы — небольшие, похожие на осколки драгоценного камня. Прозрачные, но внутри переливаются, как алмазы, с лёгким розоватым или голубоватым отливом. Но на кой чёрт они Дану?

— Что-то такое слышала, — ответила я, стараясь не выдать волнения.

Дан несколько секунд смотрел на меня — изучающе, холодно, будто читал по лицу.

— «Что-то слышала», — повторил он, и губы тронула едва заметная усмешка. — Три года была девушкой Влада. Ты жила с ним. Ты видела, как он работал. Ты была рядом, когда он создавал свою империю. Он сделал то, что не смог сделать его старший брат. А ты хочешь сказать, что «что-то слышала»?

Он подался вперёд — лицо оказалось совсем близко. Я могла разглядеть мелкие морщинки у глаз, почувствовать слабый запах его одеколона.

— Не лги мне, Эвелин. Я не хочу слушать сказки. Ты знаешь формулу. Вопрос только в том, сколько времени пройдёт и насколько тебе будет больно.

Он откинулся обратно.

— Я не тороплюсь. У меня есть время.

Я посмотрела на него без страха. Внутри всё кипело, но я держала лицо.

— Верно. Всё так. Но с чего ты взял, что Влад что-то рассказал мне? И даже если представить, что это так, — назови хоть одну причину, почему я должна вам что-то рассказывать. Это ведь вы напали на нас в 2018-м. Точнее, твой папаша, Роман.

Я попала в точку. Пальцы, спокойно лежавшие на подлокотниках, сжались — побелели костяшки.

— Ты думаешь, я этого хотел? — голос стал ниже, жёстче. — Ты думаешь, я просил отца нападать на особняк Влада? Я был против. С самого начала. Я говорил ему: «Не трогай их. Влад опасен. Он не простит». Но отец меня не слушал.

Он встал, подошёл к стене, за которой пряталась камера, и остановился ко мне спиной. Плечи чуть опустились — и на мгновение он показался мне не наследником Rose Gold, а просто уставшим человеком.

— Я узнал о нападении, когда всё уже случилось. Когда особняк горел. Когда Влад был мёртв. Я приехал туда через час. Пожарные ещё заливали руины. А тебя уже не было.

Он повернулся. В глазах плескалось что-то странное — горечь, сожаление, может быть, даже вина.

— И да, Эвелин. Это мы убили Влада. Но не я. Я бы никогда… — он осёкся и не договорил.

— Мне всё равно, чего ты хотел или не хотел. Как бы то ни было, он твой отец. А ты его прямой наследник, — я вздёрнула бровь. — Что? Ты приехал?.. А зачем?

Я нахмурилась и отвела взгляд.

— Впрочем, не важно. Я всё равно тебе не верю. Ты ненавидел Холода. Я знаю.

Дан хмыкнул — коротко, невесело.

— Я ненавидел Влада, это так. Он был конкурентом моей семьи, а значит, и моим врагом. Но я никогда не желал ему смерти. И уж точно не такой.

— Да? А какой же? Такой, как всем остальным? В бетоне? Rose Gold в этом мастера, — бросила я с вызовом.

Дан резко повернулся. Глаза вспыхнули — но не яростью, а чем-то более сложным. Болью? Раздражением? Я не успела понять.

— Ты ничего не знаешь о том, что мы делаем. Ты видела только то, что Влад тебе показывал. А он показывал тебе ровно столько, сколько нужно было, чтобы ты его боялась и одновременно обожала, — он помолчал. — Но ты права. Rose Gold — не благотворительный фонд. Мы убираем конкурентов. Но знаешь, что? В ту ночь погибли не только люди Влада. Погибли и наши. Мои люди. Мой друг. Мой наставник. Он учил меня держать пистолет, когда отец был занят своими «великими делами». Он был мне ближе, чем Роман когда-либо был. И он сгорел в том пожаре. Поэтому не надо мне рассказывать про «мастеров бетона». Я знаю цену, которую мы заплатили за ту ночь.

Что?.. А не тот ли это здоровяк, кого я грохнула? Ну и что? Это ничего не меняет.

— Я не знаю ни о какой формуле. Влад не доверял мне такие ве… — но договорить я не успела.

Больно. Руки на шее.

— Кх… кх…

Я не пыталась сопротивляться. Нужно перетерпеть боль, и всё закончится. Я устала. Устала жить. Смысла не осталось никакого.

— …Д… д… давай… сделай мне подарок, — прохрипела я. — Уб… убей.

Дан смотрел на меня несколько секунд. Потом пальцы медленно разжались. Он убрал руку с моей шеи и отступил на шаг. На его лице — странная, непонятная мне растерянность.

— Ты… ты не сопротивлялась. Совсем. Ты настолько не хочешь жить?

Я растирала шею, пытаясь восстановить дыхание. Перед глазами плыло. Голос сел, но я всё равно ответила:

— А зачем? Ты думаешь, я боюсь смерти? Я её ждала. Семь лет. Каждый день. С того самого дня, как он умер. Так что если ты хочешь меня убить — давай. Это будет лучшим подарком за последние годы.

Дан молчал. Долго. Взгляд скользил по комнате, словно он искал в ней ответы на вопросы, которые не решался задать вслух.

Потом он отошёл к двери и, не оборачиваясь, сказал:

— Нет. Я не сделаю тебе такого подарка. Потому что убить — это слишком просто. Смерть — это избавление. Жизнь — вот настоящая пытка. И ты будешь жить.

Он открыл дверь.

— Еду принесут через час.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

Я опустилась на кровать. Шея ещё горела, боль пульсировала. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. На секунду я искренне подумала, что всё просто закончится. Размечталась. И так было ясно, что Дан меня не убьёт.

Я подогнула ноги под себя и обхватила колени руками. Не знаю, сколько так просидела — минуты? Часы? Время здесь теряло смысл. В груди разливалась странная пустота. Я не

знала, как это назвать. Это началось, когда я собирала материал к своей книге и искала образы будущих персонажей. Будто на душу вылили ледокаин. Половину чувств кто-то запер за дверью и забыл отдать мне ключ.

А потом в голове снова что-то щёлкнуло: **бежать.**

Я встала, оттолкнула тумбу к стене и взобралась на неё. Руки дрожали, но я заставила себя сосредоточиться.

И тут открылась дверь.

Быстрее! Спрыгнуть? Но что это изменит? Ничего. Поэтому я так и осталась стоять на тумбе, как ни в чём не бывало.

Вошёл бугай — как я его про себя назвала. Он посмотрел на меня. Я — на него.

— Э-хм, освещение… плохое. Решила подкрутить бра, — выдавила я, стараясь звучать непринуждённо.

Бугай медленно перевёл взгляд с меня на абсолютно пустой угол и обратно. На каменном лице не дрогнул ни один мускул.

— Бра, — повторил он таким тоном, будто пробовал это слово на вкус, и оно ему категорически не нравилось. — Значит, так. Слезай. Поставишь тумбу на место. И завязывай с этим. Хозяин приказал тебя пальцем не трогать. — Помолчал и добавил: — Но если ты себе шею свернёшь, я крайним не буду. Поняла?

Он поставил поднос с едой на пол у двери и вышел, даже не обернувшись. И тумбу забрал с собой!

— Эй! Верни!

Хлопок двери. Блядь. Отлично, просто отлично.

Я взглянула на поднос. Аромат еды — тёплый хлеб, что-то мясное, возможно, суп — пробивался сквозь пелену злости. Но прежде чем я успела сделать шаг, в комнате раздался голос. Я подпрыгнула от неожиданности.

Голос Дана:

— В следующий раз, когда решишь лезть крутить лампочки, хотя бы убедись, что бра в том месте, где ты собиралась крутить. А то там вот уже двенадцать лет пустая стена.

Я чуть не опрокинула поднос. Голос звучал отовсюду и ниоткуда одновременно. Динамики.

— Ты… ты следишь за мной! — выкрикнула я, глядя в тот самый угол, где, как я теперь понимала, были спрятаны динамики. — Это вообще законно?! Хотя о чём это я… ты же преступник!

В ответ — тишина. Потом голос Дана снова наполнил комнату, и в нём послышалось что-то отдалённо похожее на сдерживаемый смех.

— Законно? Ты в моём доме, Эвелин. Здесь мои законы. Но я оценил твой… креативный подход. Съешь ужин. Холодным он будет невкусным.

Я стояла посреди комнаты — босая, растрёпанная, злая. Мой «гениальный» план побега с треском провалился. Я была готова закричать, швырнуть поднос в стену, разнести эту клетку по кусочкам. Но вместо этого глубоко вздохнула, подошла к подносу и села на кровать. Есть действительно хотелось. И этой истерикой я себе не помогу — мне нужны силы.

— Мы ещё посмотрим, кто кого, — пробормотала я, беря в руки ложку.

Ян и Егор, наверное, уже знают, что я пропала. Но полагаться только на них нельзя. Скоро Дану может надоесть эта игра.

Глава 8.
Егор .

Я ждал её в зале ожидания. Прошло пять минут. Восемь. А она всё не выходила. Это странно.

Нервно провёл рукой по волосам, сжал кулаки. Что-то не так. Слишком долго. Эвелин не из тех, кто задерживается без причины. Я обвёл взглядом зал — безликая толпа пассажиров текла мимо, таская чемоданы, уткнувшись в телефоны. Никто не спешил, никому не было дела. А внутри у меня нарастала глухая, тянущая тревога.

Я пошёл к туалету. Некоторые девушки странно на меня смотрели, но мне не было никакого дела. Зашёл внутрь. Две кабинки были закрыты. Я постучал в одну из них:

— Эля? Ты здесь?

Девушка за дверью испуганно ойкнула и ответила дрожащим голосом:

— Я не Эля! Вы ошиблись! Это женский туалет, мужчина!

Из кабинки донеслась возмущённая возня. Я, осознав всю неловкость момента, отступил на шаг, но не ушёл. Обернулся ко второй кабинке — та была приоткрыта, и сквозь щель виднелась пустота.

— Эвелин! — позвал громче, уже не заботясь о приличиях. — Ты здесь?!

Тишина. Только вода бежала по керамике раковины ровным, безразличным журчанием, будто ничего не случилось. Я заглянул в кабинку — пусто. А потом опустил взгляд: на полу, у самой раковины, что-то блеснуло.

Я наклонился и поднял знакомый серебряный кулон — тот самый, с полумесяцем и звездой, который сам застегнул на её шее всего день назад. Цепочка была разорвана. Не расстёгнута — разорвана. Металл на разрыве неровный, зазубренный, будто дёрнули с силой, без церемоний. Сердце пропустило удар. Ладонь невольно сжалась, впиваясь в острые грани кулона. Металл кольнул кожу, но я почти не почувствовал боли. В голове застучало: «Пропала. Её нет. Что-то случилось».

Я вылетел из туалета, уже на ходу набирая номер Яна. Пальцы дрожали, несколько раз промахнулись мимо нужного контакта. Наконец вызов пошёл.

Ян ответил быстро — всего три-четыре гудка. На фоне слышались голоса, приглушённый гул — судя по всему, собрание акционеров. Семья Холодовых держала сетевой ритейл: магазины «HolodShop» стояли по всей Москве и Санкт-Петербургу. «Бредовая одежда», — мелькнуло у меня в голове, но я тут же отогнал эту мысль.

— Да, Егор? Вы в аэропорту? — спросил Ян, прикрывая дверь и выходя в коридор.

— Да, мы в аэропорту! Точнее… я в аэропорту! — я почти кричал в трубку, лавируя между пассажирами. — Эвелин пропала, Ян! Прямо из туалета! Я нашёл её кулон на полу. Цепочка порвана!

В трубке повисла мёртвая тишина. На три удара сердца. На четыре. Потом голос Яна — холодный, собранный до звона:

— Ты проверил камеры?

— Камеры?.. — я замер посреди зала, тяжело дыша. Огляделся: над головой висели чёрные купола камер наблюдения. Как я мог сразу не подумать об этом? — Нет, я ещё не… Я сразу тебе позвонил.

— Я выезжаю. Никуда не уходи. Ищи камеры — в аэропорту должны быть. Поговори с охраной. Скажи, что пропала девушка. Никаких имён, никаких подробностей. Просто: была и исчезла. Я позвоню кое-кому из службы безопасности. За час доберусь. Держи меня в курсе.

Я отключил звонок и огляделся. Взгляд зацепился за табличку «Информационная стойка» и стрелку, указывающую направо. Туда же вела и одна из камер.

«Сначала охрана», — решил я. Сжал кулон в кулаке — теперь он казался не украшением, а уликой, ниточкой, ведущей к Эвелин. Единственной, что у меня осталось.

Зашагал к стойке, про себя повторяя слова Яна: «Была и исчезла». Девушка. С пучком на голове. Рост — метр семьдесят восемь. Сверху белая куртка.

Пост охраны нашёлся быстро — небольшая стеклянная будка у выхода в зону прилёта. Двое мужчин в форме с ленивым интересом подняли головы. Я заговорил, стараясь не срываться на крик:

— Девушка пропала. Была в туалете, теперь её нет. Высокая, сто семьдесят восемь, тёмные, цвета тёмного шоколада, до поясницы, серые глаза, белая куртка, чёрные джинсы. На шее был кулон.

Я разжал ладонь и показал серебряный полумесяц.

— Вот этот. Я нашёл его на полу в кабинке. Цепочка порвана.

Охранник — постарше, с усталым лицом и седыми висками — переглянулся с напарником и придвинул к себе клавиатуру.

— Когда вы её видели в последний раз?

— Минут десять назад. Может, пятнадцать. Я ждал в зале, она пошла в туалет и не вернулась.

— Имя?

Я на секунду замешкался. Ян велел не называть имён. Но сейчас было не до этого.

— Эвелин. Эвелин Морнэ.

Охранник застучал по клавишам.

— Камеры в том коридоре есть. Сейчас посмотрим. Вы пока присядьте.

Я не мог сидеть. Просто не мог. Сел. И сразу встал. Мимо проходили люди — не торопясь, с чемоданами и рюкзаками, с кофе и посадочными талонами. Жизнь текла своим чередом, а у меня внутри всё свернулось в тугой узел. Перед глазами стояли самые страшные картины — те, что я сам себе дорисовывал. И вина. Как я мог её оставить? Почему не пошёл с ней? Это я во всём виноват. Я. Как и в ту ночь, когда отпустил её. Потому что она попросила.

Перед глазами на секунду встала та ночь.

2016 год. Москва.

Я посадил её в машину. Сердце всё ещё колотилось где-то в груди. Адреналин зашкаливал. Мне только что удалось выиграть у Влада — и я сам не понимаю, каким чудом.

Она сидела на пассажирском сиденье, сжимая в руках сумочку. Бледная. Губы дрожали. За окном проплывали фонари Садового кольца — жёлтые, размытые, будто отражения в воде.

— Ты в порядке? — спросил я, поворачивая ключ зажигания.

Она не ответила. Просто смотрела перед собой.

— Я не… я не хотел, чтобы всё так вышло, — я сам не знал, зачем оправдываюсь. — Я просто не мог позволить ему

— Я знаю, — перебила она. — И что теперь? Куда ты повезёшь меня? Ты же в курсе, что Влад всё равно протрезвеет и приедет за мной, да? Ты, конечно, его лучший друг, но это ничего не изменит.

— Я знаю, — ответил я, выруливая на пустую ночную дорогу. — Но я не мог сидеть и смотреть, как он ставит тебя на кон. У Влада совсем в башке маргарин потек. Почему ты так спокойна?

Она горько усмехнулась, отвернулась к окну. За стеклом проплывали огни ночной Москвы — яркие витрины, редкие прохожие, мигающие жёлтым светофоры.

— Потому что это не единственный его закидон. Однажды мы с ним поссорились, и он высадил меня из машины и заставил идти километр без ботинок. По асфальту я прошла от силы двести метров, и он вернулся за мной, а я слегла с ангиной.

Я сжал руль так, что побелели костяшки.

— Что? И ты всё равно осталась с ним?

Она замолчала, глядя на огни за стеклом.

— Да. Потому что не надо было свой рот открывать, когда он пьяный. Но я всё равно открыла. Сама виновата.

Из мыслей меня вырвал голос сотрудницы.

— Мы просмотрели запись, — сказала женщина, и от тона её голоса у меня внутри всё оборвалось. — Ваша девушка зашла в туалет, спустя три минуты за ней зашёл мужчина двадцатипрёх лет примерно. Высокий, светлые волосы. Они говорили около минуты. А потом…

Она замялась.

— Что — потом?! — не выдержал я.

Седой охранник вздохнул и закончил за неё:

— К ней подошли сзади. Двое. Камеры не пишут звук, но по картинке — она вдруг обмякла. Будто отключилась. Её подхватили под руки и вынесли через служебный выход. Всё заняло меньше минуты. Дверь туда закрыта для пассажиров — нужен ключ-карта. У них была ключ-карта. Мы уже вызвали полицию.

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Схватился за край стойки, чтобы не упасть. В ушах зазвенело — тонко, натужно, будто натянутая струна.

— Кто? Кто это мог быть? — хрипло спросил я.

Охранник переглянулся с коллегой и покачал головой:

— По камерам лица толком не разобрать. Но стиль… слишком чистый. Такое не делают любители.

В кармане завибрировал телефон. Ян. Я схватил трубку:

— Я уже в аэропорту, — раздался его голос. — Где ты?

— У охраны. Они нашли запись. Её похитили. Профессионалы.

— Понятно, — коротко бросил Ян. — Выходи к главному входу. Я уже здесь. И Егор… мы найдём её. Обещаю.

Я кивнул, хотя Ян этого не видел, и направился к выходу. В голове билась одна мысль: «Только держись, Эвелин. Я иду».

Глава 9.

С ума сойти! Я здесь уже два дня. Мне не выбраться. Этот хитрый пёс всё продумал. Что делать? Я не знала. Меня не мучали. Он вообще не приходил ко мне — только иногда разговаривал через динамики. Мне приносили еду и чистую одежду, но на этом всё. Часов на стене не было, и я считала время по подносам: завтрак, обед, ужин. Между ними — ничего. Только шёлковые стены, рококо на потолке и тишина, такая густая, что в ней можно было утонуть.

— Эй! Эй, приём! И что, я так и буду тут сидеть?!

Из динамика раздался знакомый голос — спокойный, с лёгкой хрипотцой, будто он только что проснулся:

— Доброе утро, Эвелин. Что, уже соскучилась по моей компании? Или всё же решила рассказать про формулу?

Короткая пауза, затем — шаги за дверью. Приглушённые, размеренные. Он не торопился. Он никогда не торопился.

Замок щёлкнул. Дверь открылась.

На пороге стоял Дан. Свежая рубашка, рукава закатаны до локтей, в руках — какая-то книга. Он выглядел так, словно только что вернулся с пробежки, а не держал человека в заточении.

— Если ты ещё раз спросишь про это, клянусь, у меня будет дёргаться глаз, я…

Он вдруг всунул мне в руку книгу.

— Ч-что… что это?

— Почитай, — сказал он, проходя в комнату. — Я подумал, тебе скучно. А в этой комнате даже телевизора нет. Только ты, я и динамики.

Он опустился в своё неизменное кресло, закинул ногу на ногу и кивнул на книгу в моих руках.

— Это сборник поэзии. Эмили Дикинсон. Слышала о такой?

Я молчала, глядя на неё. Потёртый томик в мягкой обложке. Страницы пожелтели — видно, что её читали, и не раз. Пальцы сами огладили корешок. Обложка была тёплой, будто книга долго лежала в чьих-то руках.

— Что-то американское? А я тут при чём?

Дан улыбнулся одними уголками губ, но в глазах мелькнул интерес.

— Она писала о смерти. О любви. О Боге, которого не могла найти. О женщине, запертой в четырёх стенах, которая всю жизнь провела в одной комнате, но сумела создать целую вселенную. — Он чуть наклонил голову. — Ничего не напоминает?

Я открыла книгу. На первой странице — надпись от руки, выцветшими чернилами: «*Той, кто видит дальше этих стен*». Буквы тонкие, с наклоном влево — женский почерк, уверенный, но печальный.

— Это не моя книга, — сказал Дан, заметив мой взгляд. — Она принадлежала моей матери. Она любила Дикинсон. Говорила, что стихи — это единственное, что нельзя отнять у человека. Даже если запереть его в самой тёмной комнате. — Он откинулся на спинку кресла. — Я не спрашиваю тебя сегодня про формулу. Сегодня просто… почитай. Если захочешь — обсудим. Я приду вечером.

Напоминает. Меня. Это я за белыми стенами. Это я в одиночестве, где строю свои миры — потому что реальный невыносим. Я взяла книгу и перевернула страницу. Стихи ложились перед глазами короткими, обрубленными строчками, будто их писали на выдохе. Многие без рифмы, без размера — просто обнажённый нерв, положенный на бумагу.

— Ты что, издеваешься надо мной?! — я кинула книгу на кровать. — У меня есть идея получше. Хочешь, чтобы у меня был телевизор? Отправь меня домой, и я буду смотреть его там! Дома! Или ещё лучше! Расскажи: если ты знал, что я на Чеджу, почему ты ждал пять лет? Почему не забрал формулу раньше? Ведь у Rose Gold больше власти, чем у семьи Холодовых!

— Я не всесилен, Эвелин. И Чеджу — это Корея, другая страна.

— И что? Неужели у такой… у такой семьи, как твоя, нет там связей?

Дан ответил не сразу — словно взвешивал, сколько правды я заслуживаю. Его взгляд скользнул по стенам, по позолоченным ангелочкам на потолке, и я заметила, как на секунду напряглась его челюсть.

— Связи есть везде. Но связи — это не магия. Корея — не Россия. Там другие законы, другие игроки. Если бы я попытался забрать тебя с Чеджу силой, это означало бы международный скандал. Дипломатические ноты. Интерпол. Политика — дело грязное, Эвелин. Даже для Rose Gold. И потом, была ещё одна причина, почему я не искал. Первые три года после пожара мы думали, что ты сгорела. О тебе не было совсем ничего. Потом мой отец выяснил, что ты на Чеджу. А доставать тебя оттуда было проблематично. И потом я делал ставку на то, что ты вернёшься в Россию.

— И всё? А если бы я не вернулась?

Дан посмотрел на меня — в этот раз прямо, без усмешки, без игры. Взгляд стал серьёзным, почти тяжёлым.

— Тогда бы нашёл способ добраться до Чеджу. Рано или поздно. Потому что формула «Кристалла» — это не просто наркотик. Это рычаг. Инструмент. Тот, кто им владеет, может диктовать условия. Ведь все хотят кусочек рая, пусть и проклятого.

— И ты хочешь получить этот рычаг?

— Мой отец хочет. Так что говори.

— Нет. Я ничего, слышишь, ничего тебе не скажу.

— Хорошо. Тогда мне придётся убить её.

— Что?.. Кого?

Дан подошёл к двери и стукнул два раза. Ему что-то передали, а потом он обернулся. Я подалась на кровати, едва не съехав на пол.

— Э-э-это… К-Клео?..

Дан держал переноску перед собой — спокойно, по-хозяйски, словно в ней был не живой комок шерсти, а коробка с документами. Сквозь решётчатую дверцу на меня смотрели два голубых глаза. Клеопатра. Та самая. Чистокровная тайская, которую я считала погибшей семь лет назад.

— Ты… ты… — я не могла подобрать слов. Пальцы вцепились в одеяло. — Это ты… это ты снял ошейник?

— Нет, — Дан поставил переноску на пол, но дверцу не открыл. — Ошейник сняли люди отца. В ту ночь, перед пожаром. Они знали, что ты любишь эту кошку. Думали использовать её как рычаг давления на тебя. Но Влад умер, и кошка стала просто кошкой. Трофеем. Я забрал её себе. Подумал — пригодится.

Он говорил ровно, без единой эмоции, как будто зачитывал бухгалтерский отчёт. А я смотрела на Клео, и по щекам ползли слёзы — горячие, непрошеные, которых я не могла остановить. Она была здесь. Живая. Все эти годы — живая. Она узнала меня: тыкалась носом в решётку, кричала, требовала выпустить. Знакомое, низкое, требовательное «мррр» — тот самый звук, который я слышала каждое утро в особняке Влада, когда она запрыгивала ко мне на подушку.

— Отдай мне её, — прошептала я. — Пожалуйста, Дан. Просто отдай.

— С удовольствием, — ответил он, и в голосе не было ни капли тепла. — Как только ты расскажешь мне формулу. А до тех пор… она будет здесь. В соседней комнате. Ты будешь слышать, как она мяукает, но не сможешь к ней прикоснуться.

Он поднял переноску, шагнул к двери и обернулся в последний раз:

— Я не хочу причинять ей вред, Эвелин. Она хорошая кошка. Но если ты не заговоришь… Я начну с неё. А потом перейду к другим. Ты меня поняла?

Комната вдруг стала ещё меньше, стены словно сжались, перекрывая воздух. Я стиснула кулаки — ногти впились в ладони. Боль помогла собраться и не дать панике захватить разум.

— Ты не посмеешь, — голос дрожал, но я заставила себя звучать твёрже. — Ты блефуешь. Ты не станешь калечить животное ради какой-то формулы.

Дан усмехнулся — холодно, без тени веселья.

— О, поверь, стану. В Rose Gold учат не привязываться ни к кому и ни к чему. Эмоции — слабость. А слабость — смерть. Ты должна это знать, Эвелин. Ты жила с Владом. Он учил тебя тому же.

Я закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. В груди что-то оборвалось — то ли надежда, то ли боль. Котята… Те самые, которых я нашла у порога своего дома. Но кто их отец? Выходит, Дан всё это время заботился о кошке, дал ей свить новое потомство? Зачем ему такая многоходовка, если он ничего не чувствует?

— И как же ты снял отслеживающее устройство? Там нужны были отпечатки пальцев.

Дан чуть склонил голову, и на губах мелькнула тень улыбки — ледяной, но с какой-то профессиональной гордостью.

— Отпечатки пальцев? — переспросил он. — Серьёзно? Ты думаешь, это проблема для человека, чей отец контролирует половину ювелирного рынка страны? Мы снимаем отпечатки с дверных ручек, с бокалов, с твоих же собственных глянцевых фото, которые остались у Влада. Ошейник — это просто пластик и микрочип. Я даже не напрягался.

Он шагнул ближе, но теперь в его движениях не было угрозы — скорее усталость. И снова на меня нахлынул этот запах — сандал и что-то металлическое, едва уловимое, словно он долго провёл в помещении, где обрабатывают драгоценные камни. Я посмотрела ему в глаза.

— Я… скажу тебе формулу. Но сперва отдай Клео.

— Нет. Формула.

Да твою мать. Вот же заладил.

— Ну хорошо. Принеси ручку и листок.

Дан замер. По его лицу скользнуло что-то похожее на удивление — он явно не ожидал, что я сдамся так быстро.

— Ты серьёзно?

— Ты же этого хотел? — я пожала плечами, стараясь держать голос ровным. — Ручку. Листок. И Клеопатру — сразу после того, как ты проверишь формулу.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом кивнул и шагнул к двери.

— Хорошо. Я принесу. Но если ты попытаешься меня обмануть, Эвелин… — он не договорил. Просто посмотрел на переноску с Клеопатрой, всё ещё царапающей голосом решётку. Этого взгляда было достаточно.

Дверь за ним закрылась. Я осталась одна.

Я бросилась к кровати, схватила вилочку для лимона — ту самую, что стащила с подноса после ужина, — и быстро открутила решётку вентиляции. Руки дрожали, но я действовала быстро и чётко: годы жизни с Владом научили меня двигаться в экстремальных ситуациях, когда секунды решают всё. Снять, заглянуть внутрь, оценить проём. Узкий. Очень узкий. Но — вариант. Я вернула решётку на место, прислонив её и прикрыв креслом, чтобы не упала. Еле успела — в следующую минуту лязгнул засов, и вошёл Дан.

Я с самым невозмутимым видом спрятала вилку под резинку джинсов, взяла ручку и листок и… начеркала формулу. Не настоящую — набор химических символов, который выглядел убедительно, но был бесполезен. Я специально изучала, как маскировать фальшивки под подлинники: добавляла лишние элементы, меняла индексы, вставляла несуществующие соединения. Все таки пригодилось то, чему я училась на Чеджу.

— Вот.

Дан взял листок. Пробежал глазами по строчкам. На лице не отразилось ни триумфа, ни радости — только холодная, деловая сосредоточенность. Он сложил лист пополам, потом ещё раз — аккуратно, сгиб за сгибом, будто упаковывал драгоценность.

— Я проверю, — сказал он, убирая листок во внутренний карман. Затем подошёл к переноске, отщёлкнул замок и бережно, почти нежно, достал Клеопатру. Та зашипела на него, но он лишь хмыкнул и протянул её мне.

— Держи. Как договаривались. Формула в обмен на кошку. Если формула верна — следующим этапом будет твоя свобода. Если нет… — он не закончил, но мне и не нужно было.

Клеопатра в моих руках замурлыкала, тыкаясь мокрым носом в шею. Я прижала её к себе. Тепло её тела, знакомый запах шерсти — всё это придавало сил. Слёзы всё ещё шли, но теперь я их не замечала. Она стала тяжелее, чем я помнила, и шерсть — чуть грубее, зато мурлыканье — то же. Тот же тихий, вибрирующий звук, от которого внутри что-то отпускало, будто струну ослабили на пол-тона.

— Я вернусь через несколько часов, — сказал Дан и вышел, даже не обернувшись.

Дверь закрылась. Засов щёлкнул. Я осталась одна. С Клеопатрой на руках. И с вилкой, спрятанной под резинкой джинсов.

Глава 10.

— Всё будет хорошо, — прошептала я. — Мы выберемся. У меня есть план.

Кошка мурлыкала, будто верила мне. А я… просто должна была оправдать эту веру. Огляделась. Теперь нужно было найти способ выбраться отсюда — и сделать это раньше, чем Дан поймёт, что формула фальшивая. Вилка в кармане давала хоть какой-то шанс. Клео давала силы не сдаваться.

Время пошло. У меня было несколько часов — максимум. Пора действовать.

Взгляд упал на вентиляционную решётку у самого пола — она была узкой. Могу застрять. Но обратного пути нет. Он скоро вернётся.

Решётка наклонилась, открывая тёмный, узкий проём. Я заглянула внутрь. Темнота. Пахло пылью и чем-то металлическим — старым, застоявшимся, будто воздух здесь не менялся годами.

Я пропустила кошку вперёд:

— Давай, малышка. Иди, я за тобой, — шепнула я.

Ползла за ней. Подо мной всё скрипело и шаталось. Боже. Если сейчас что-то сломается, если проход окажется слишком тесным — я пропала. И я не знаю, сколько у меня времени до того, как Дан поймёт, что эта формула вообще не существует. Максимум, что он сможет с ней сделать, — лимонад.

Металлическая труба стонала под моим весом, как будто вот-вот готова была провалиться. Где-то впереди, в темноте, я слышала, как Клеопатра перебирает лапками — шла она уверенно, словно знала дорогу. Может, и знала. Кошки всегда находят выход.

Я старалась дышать ровно, но сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали от напряжения. Каждый шорох за спиной казался шагами Дана. Я представляла, как он открывает дверь, видит пустую комнату, сломанную решётку…

Один раз колено соскользнуло, и я упала животом на ржавый металл — в глазах потемнело от боли, но я стиснула зубы и поползла дальше. Железо тянуло холодом сквозь ткань, царапало рёбра. Я двигалась на локтях, прижимая подбородок к груди, и считала вдохи — просто чтобы не сойти с ума.

Впереди наконец забрезжил слабый свет. Я спрыгнула и оказалась… в подвальном помещении. Сырой воздух, запах плесени и старого картона. Я стояла на бетонном полу, тяжело дыша и пытаясь понять, где очутилась. Клеопатра уже сидела рядом и деловито вылизывала лапу — как будто ничего особенного не произошло.

Я быстро осмотрелась. Вокруг громоздились ящики с вином, старые бочки, металлические стеллажи. Винный погреб. Просторный, с низкими каменными сводами, покрытыми тонкой бахромой паутины. Чуть дальше — деревянная лестница, уходящая наверх, к массивной двери.

«Почему не заперта? Может, прислуга забыла? Не важно, Эля. Сегодня фортуна на моей стороне», — подумала я. Я поднялась по лестнице и очутилась на кухне. Или в чём-то вроде неё — комната для слуг? Это мой шанс. Клеопатра метнулась под стол, и я нырнула за ней следом. Сердце стучало. Шаги где-то наверху — два охранника переговаривались о чём-то, их голоса доносились приглушённо, словно сквозь толщу воды. Я замерла, зажав кошку под мышкой.

— Не дури, пожалуйста, — прошептала я ей в ухо. — Ещё немного. Потерпи.

Я выглянула из-за стола. Кухня была огромной — профессиональной, ресторанного уровня. Должно быть, здесь кормили не только прислугу, а весь особняк. Разделочные столы, холодильники, подвесные кастрюли. И главное — дверь. Не та, через которую я вошла. Другая. С табличкой «Служебный выход».

Охранники всё ещё стояли у главного входа. Мимо них пройти незамеченной не выйдет. Но над разделочным столом висела связка ключей. И один из них — с брелоком в виде винной бутылки — выглядел так, будто мог открыть ту самую дверь. Я сняла ключи, стараясь не звякнуть. В три шага пересекла кухню, вставила ключ в замок — он подошёл идеально. Дверь открылась почти бесшумно. За ней — холодный мартовский воздух, запах прелой листвы и свободы.

Я шагнула наружу, прижимая Клеопатру к груди. Позади оставался особняк. Впереди — лес, темнота и неизвестность. Я бросила ключи куда-то в траву — в них не было нужды. И мы побежали.

Но это, похоже, не особняк, а охотничий домик. Он оказался огорожен. Видимо, я на заднем дворе. Забор с прутьями. Снизу есть щель — можно пролезть. Не раздумывая ни секунды, я бросилась туда. Острый конец оцарапал щёку. В волосах — листья. Я застряла: бёдра не проходили. Паника начала подкатывать горлом, но я заставила себя дышать. Резко дёрнулась вперёд, приподнимаясь на локтях и прижимаясь животом к земле. Прутья прочертили огненную полосу поперёк спины — что-то потекло, тёплое и липкое. Я кое-как перевернулась на спину, втянула живот и выбралась.

Сигнал. Голоса! Чёрт.

Я побежала, не разбирая дороги. Лес встретил меня холодом и тишиной. Мартовский снег ещё лежал в низинах — серый, ноздреватый, пропитанный влагой. Ветки хлестали по лицу, оставляя царапины на щеках и лбу, но я не чувствовала боли. Только страх. Только адреналин. Только грохот сердца в ушах.

Клеопатра вцепилась когтями в куртку и прижалась ко мне всем телом. Она молчала — будто понимала, что сейчас не время для мяуканья. Голоса позади становились громче. Они шли за мной. С фонарями, с собаками — я слышала лай, ещё далёкий, но уже различимый. Спустили собак. Ветки царапали лицо, ноги проваливались в мокрый снег. Я не знала, куда бегу. Просто вперёд — лишь бы подальше от этого проклятого дома.

А потом я услышала шум машин. Трасса!

Я выбежала на дорогу и замахала одной рукой. Все проезжали мимо. Ещё бы — я выглядела так, будто сбежала из мясорубки. Но одна «Лада» всё-таки остановилась.

За рулём сидел мужчина лет шестидесяти пяти, на заднем сиденье громоздились рассадные ящики.

— По-пожалуйста, помогите. Отвезите меня в-в больницу, — выдохнула я.

Мужчина — пожилой, в очках с толстыми линзами и вязаной жилетке поверх клетчатой рубашки — окинул меня взглядом с ног до головы. Глаза его расширились от ужаса при виде крови на щеке, грязной куртки и кошки, вцепившейся в мою грудь. Он явно не ожидал увидеть такое на пустынной трассе. Не дай Боги, он решит, что я наркоманка, и закроет дверь. Я молилась всем богам, чтобы этого не случилось. Забавно: даже такая атеистка, как я, в момент опасности вспомнила о Боге.

— Дочка, что с тобой?! — он приоткрыл дверь, помогая мне забраться внутрь. — Ты откуда такая?

— Пожалуйста… просто отвезите меня… — прошептала я, падая на сиденье. Клеопатра наконец мяукнула. Мужчина вздрогнул, но ничего не сказал. Лишь перекрестился и нажал на газ.

Старая «Лада» тронулась. За окном проплывали деревья, забор, дорога уходила вниз, в туман. Я откинулась на спинку сиденья, прижимая Клео к себе, и только тогда позволила себе закрыть глаза. На несколько секунд. Просто чтобы выдохнуть.

Машина мягко покачивалась на ухабах. Пожилой водитель что-то говорил — кажется, спрашивал, нужно ли вызвать полицию. Я не отвечала.

— С-скажите, это какой город? — у меня не попадал зуб на зуб от холода и страха.

Мужчина покосился на меня, поправил очки и ответил:

— Так это… Гатчина, дочка. Ты что, не местная? — Он снова перекрестился и прибавил газу. — Сильно тебя приложило, видать. Ничего, сейчас доедем. Тут больница недалеко. Ты держись только.

— Гатчина?.. — эхо собственного голоса отдалось в голове.

Чёрт. Значит, до ближайшей больницы почти час пути. За это время меня успеют найти.

— Мо-можно, пожалуйста, позвонить?

Мужчина протянул мне сенсорный телефон ZTE. Руки дрожали так, что я с трудом разблокировала экран. Набрала номер Егора. Он взял почти сразу.

— Ал-ло? Егор?

— Эля?! — голос Егора в трубке сорвался на крик. — Ты где?! Что с тобой?! Ты цела?!

— Я… я сбежала, — прохрипела я, всё ещё дрожа. — Дан… это был Дан. Он похитил меня. Я где-то под Гатчиной, на трассе. Меня подобрал мужчина, мы едем в больницу. Скорее всего, в Гатчинскую КМБ. Но… но они ищут меня. С собаками. Я не знаю, сколько у меня времени.

— Понял, — голос Егора мгновенно стал собранным, деловым. — Оставайся на связи. Я уже в пути. Держись, Эля. Мы найдём тебя. Ян уже поднял на ноги всех, кого можно.

— У меня мало заряда… — я покосилась на индикатор батареи. — И я не уверена, что смогу долго говорить.

— Всё нормально, — перебил Егор. — Просто не волнуйся, хорошо? Сиди в приёмной. Если что-то покажется подозрительным — беги.

Я отдала дедушке телефон.

— Спасибо… — голос прозвучал хрипло, почти беззвучно.

Прижала Клеопатру к себе. Спину щипало — там, где прутья забора оставили свои отметины. Щёку саднило. Раны напоминали о себе тупой, настойчивой болью, но я почти не замечала её.

Мне всё равно на свою жизнь. Зато не всё равно на жизнь моей кошки. Я в ответе за неё. И я защищу последнее, что у меня осталось от прошлого, — даже если сама умру. А я умру. Это лишь вопрос времени. Потому что туда, куда залезла я, такие долго не живут. И Яну при всём его влиянии не хватит сил защитить меня. Да и не хочу я больше прятаться. Устала. Устала бежать, оглядываться, вздрагивать от каждого шороха.

Я посмотрела на свою кошку. Голубые глаза смотрели на меня спокойно, уверенно — будто она знала какой-то секрет, недоступный мне. И в голове снова будто заискрил контакт:

«Отомсти».

Я поёжилась. Что со мной? Это больше нельзя игнорировать. Биполярное расстройство? Галлюцинации? Психоз на фоне стресса?

Вздрогнула от голоса:

— Что?..

Старик покосился на меня и переспросил:

— Ты чего, дочка? Я ничего не говорил. Мы через двадцать минут будем в больнице. Может, в полицию позвонить?

Ничего не говорил? Но я же слышала голос. Чёткий, низкий, настойчивый. Он звучал прямо в голове, будто кто-то прижался губами к моему виску и прошептал эти слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.